

Владимир
Крышталёв

Горячие камни

16+

Владимир Крышталёв

Горячие камни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29420726

SelfPub; 2018

Аннотация

Солнечное лето, тёплое море. Длинные каникулы перед последним классом школы. Первая любовь. Привычная жизнь со своими радостями и проблемами... Но всё рушится, когда в жизни Полины начинают происходить странные вещи. Незримый дух её рукой выводит в тетрадке зловещие предупреждения. Что-то холодное прикасается к её телу. В сны, а затем и в реальность врывается потусторонний кошмар, от которого, кажется, нет спасения.

Содержание

1	4
2	16
3	45
4	71
5	99
Конец ознакомительного фрагмента.	137

1

Июньский день был настолько приятен, что тревога постепенно отступила. Но не исчезла полностью.

– Жарко, – сказал Димка. – Может, искупаемся?

Кажется, он всё ещё чувствовал себя неловко. Полина мотнула головой, из-за чего каштановые пряди рассыпались по лицу, затем рукой отбросила волосы назад.

– Давай.

Она спустилась на один из больших камней, который удобно расположился возле самой воды, и стала раздеваться.

Разогретый на солнце камень обжег ступни, и девушка поспешно опустила ноги в воду. Осторожно нащупывая дно, она пробиралась все дальше и наконец окунулась по шею. Снова повернулась к Димке. Тот помахал Полине и спустился на тот же камень, где оставила свои вещи она.

В воде он дотянулся до девушки. Полина кокетливо улыбнулась:

– Догоняй!

И отплыла на несколько шагов.

Он последовал за ней, но с явной неохотой. Полина знала, что её друг плавает плохо, поэтому лишь ободряюще кивнула и застыла на месте. Когда он оказался рядом, сообщила:

– Я немного поплаваю. Хочешь со мной?

Димка отрицательно покачал головой:

– Подожду тебя здесь.

Полина шутливо щелкнула его по носу, и оба рассмеялись.

Затем девушка отправилась прочь. Вода была приятно-тёплой и чистой. Редкое сочетание для водохранилища. Обычно летом здесь полно зелени, а когда совсем жарко, вода превращается в краску – густую и дурно пахнущую. Лишь южный и восточный ветры относят эту жижу из мельчайших водорослей к другим берегам.

Хорошо! – подумала Полина, не особенно задаваясь вопросом, что же именно хорошо. Сейчас её переполняла энергия, и любые трудности казались преодолимыми. Она живет на этой земле, под этим солнцем. Быть. Просто быть. Как здорово!

Повернув назад, девушка обнаружила себя в доброй сотне шагов от берега и в стороне от изначального места. Немного увлеклась. Она поискала глазами Димку. Тот сидел по шею в воде – вероятно, на одном из камней, – терпеливо ожидая свою подругу. Полина подняла руку, и он помахал в ответ.

Отсюда все воспринималось по-другому. Взору открылись другие укромные местечки, где кто-то загорал, кто-то ловил рыбу, а кто-то просто читал в тени. За Полиной лениво наблюдал один из мужчин.

– Ну как? – спросил Димка, когда она возвратилась.

– Хорошо! – Полина уселась на подводный камень рядом со своим другом.

"Сидение" было немного скользким, но удобным. Димка подвинулся ближе и обнял ее за талию. Стало уютно и спокойно. Выходить на берег, одеваться не хотелось.

Сзади, от дороги, послышались громкие голоса.

– ...а я ему говорю: "Вовка, держи!" А он мне: "Не ори, Костик, сам вижу". И тут – дзинь!..

Шум и смех приблизился. Компания ребят, лет по восемнадцать-девятнадцать, вывалила на берег. Рассказчик произнес еще несколько слов и замолчал. Остальные тоже притихли: они обнаружили, что не одни здесь.

На пару секунд воцарилась тишина. Затем кто-то выразительно сказал:

– О-о!

По компании прокатился неприятный хохоток. Полина обернулась.

Они стояли в десяти шагах и пялились на парочку. Что-то в их взглядах и позах очень не понравилось девушке.

"Так просто не уйдут," – поняла она.

– Эй, привет! – крикнул кто-то, вновь вызывая смех.

Димка побледнел. Избегая оборачиваться, он смотрел прямо перед собой. Полина, как раз задумавшаяся над тем, что делать дальше, ощутила: на его помощь рассчитывать вряд ли можно. Скорее, это ему нужно помогать.

Тем временем пришедшие продолжали:

– Красавица, покажи личико!

– А что это вы там делаете?

Среди всех этих восклицаний неожиданно выделился более рассудительный голос:

– Пойдемте, я знаю еще одно место.

Невольно девушка испытала симпатию к обладателю этого голоса. "Правильно, уведи их! – сказала она про себя. – "Уведи их! Уходите!"

– Зачем уходить, – возразил другой. – Нам и здесь хорошо.

На берегу снова засмеялись. Не оборачиваясь, Полина определила на слух, что пришедшие действительно рассаживаются. Зазвенели бутылки.

Это плохо. Кажется, парни не совсем трезвые.

В наше время среди бела дня могут сделать что угодно, подумалось девушке. Внизу живота зашевелился холодок.

– Пойдемте-пойдемте! – настаивал тот, который заочно понравился Полине. – Нечего людям кайф портить.

– Отвали, – лениво заявил его оппонент. – Берег общий. Где хотим, там и сидим.

– Ага, – подхватили другие.

Большинство, кажется, рассчитывало посмотреть "шоу". "Ничего он сам не сделает", – безнадежно подумала девушка. Вмешиваться в разговор она не хотела, чтобы не спровоцировать компанию еще больше.

Однако парень не сдавался.

– Это нехорошо, – произнес он тихо.

– Не маячь! – раздраженно откликнулся его противник. – Знаешь, Вован, в чём твоя главная проблема? Ты очень пра-

вильный. Иди погуляй.

Затем другим, слащавым тоном, он обратился к Полине:

– Девочка, как твое имя?

– И что за лох сидит рядом с тобой? – подхватили другие.

Димка едва заметно вздрогнул.

– Идите к нам, – предложил заводила.

– Да-да, идите, – в других голосах явно чувствовались издевательские интонации.

– Заткнись! – цыкнул заводила, а потом опять обратился к Полине: – Нет, правда! Идите к нам. У нас есть пиво. Поделится.

Кто-то прореагировал неадекватно, зафыркав.

Однако лидер казался серьезным:

– Не бойся. Ну?

Его голос прозвучал ближе: парень шел к ним.

– Серёга, оставь их в покое! – настойчиво сказал тот, кого назвали Вованом.

– Отвали, – в который раз отмахнулся заводила.

– Нет, это ты отвали! От них.

– Вовка, успокойся! – заговорили другие. – Всё нормально.

– Не нормально! – возразил тот. – Чего пристали к девочке?

Полина повернула голову, чтобы взглянуть на происходящее.

Лидер стоял буквально в трех шагах, ласково улыбаясь и

протягивая руку. Широкое лицо с мощными надбровными дугами и массивным подбородком. Волосы сострижены наголо. В серовато-голубых глазах – непонятное выражение.

– Давай я тебе помогу, – предложил он.

Девушка осталась на месте. Эту игру было легко разгадать, а парень отнюдь не относился к людям, которые способны внушить доверие внешним видом. Пусть бы он хоть трижды улыбался.

Димка рядом тихо подрагивал. Если бы Полина знала, что такое "впасть в прострацию", то именно так и охарактеризовала бы состояние своего друга.

Она вспомнила недели их близкого знакомства, а также сегодняшнее происшествие. Ее сердце сжалось от укола страха. Потом накатила тоска.

Ей катастрофически не хватало опыта. С симпатичной девчонкой уже пару лет пытались заигрывать и ровесники, и парни постарше, но она всегда уклонялась. Давало о себе знать воспитание... а еще некоторый страх. "Рано", – говорила она себе, имея в виду свой возраст.

Конечно, это была отговорка. Полина боялась. Не мужчин. Скорее, близких отношений с мужчинами.

Романтично настроенная, она тайком искала в окружающих парнях нежность.

Время шло. Отговорка "рано" теряла смысл, что наглядно продемонстрировал пример вышедшей замуж одноклассни-

цы.

С Димкой они сошлись совершенно неожиданно, в день последнего звонка. Десятый класс остался позади, предстояло долгое и приятное лето, погодка выдалась просто великолепно. К тому же выпускники договорились устроить небольшую вечеринку – как бы репетицию выпускного, а дирекция школы (что удивительно) дала согласие на использование актового зала.

Десятые классы были приглашены в полном составе. И Полина, вопреки обыкновению, осталась.

По правде, ей просто не хотелось возвращаться домой.

Оглушительная музыка, танцы, разговоры наедине в темных углах, столы со сладостями и напитками, приглушенный свет. Школьники веселились и пили, при виде дежурного учителя приветственно махали руками, что-то пряча под скатертью. Выходки всячески приветствовались, однако желающих уединиться оставляли в покое.

Полина вдруг решила, что желает с кем-нибудь познакомиться поближе. Потанцевать...

Через некоторое время она обнаружила себя беседующей с наименее заметным из своих одноклассников. Очкарик Дима был настолько тих, что о его присутствии часто забывали даже учителя. Но особая атмосфера вечера, наверное, подействовала и на него. Парень разговорился.

Вопреки ожиданиям, он оказался интересным собеседником. Много читал и знал, играл на гитаре, увлекался ком-

пьютерами. Разговор приобретал все более дружеские черты. Наконец, опустошив вдвоем ближайшую бутылку шампанского, Полина с Димкой решили убраться туда, где поспокойнее. Рев музыки требовал напрягать голос, а шум во-круг успел надоесть.

Они неспешно спустились на первый этаж, прогулялись в дальний конец коридора. Затем вышли на улицу и больше не возвращались на вечеринку.

С тех пор они стали видеться каждый день. Благо, наступили летние каникулы, погода стояла отличная, а родители целыми днями пропадали на работе.

Вот только сегодняшняя встреча не заладилась с самого начала. Не стоило, наверное, ещё и на прогулку выходить...

События на берегу развивались.

– Вы пьяны, – с горячностью, но негромко, говорил Вовка. Полина увидела его: щуплый, невысокого роста, он казался самым маленьким из компании. Он чем-то неуловимо отличался от остальных... хотя "неуловимо" здесь, пожалуй, – не более чем привычная игра слов. Парень был единственным, кто высказался в их с Димкой защиту... и на кого Полина сейчас втайне надеялась.

Лидер, однако, не придавал значения происходящему за его спиной. Он присел, продолжая смотреть на Полину с добродушной (как казалось) улыбкой. "Если он полезет в воду,

можно уплыть, – решила девушка. – Только как же Димка? И вещи?"

– Вы пьяны, – повторил парень на берегу. – Мы все пьяны. Вот скажите, что вы собираетесь делать с ними?

– Угостить пивом, – отозвался кто-то.

Двое засмеялись. Вовка ткнул пальцем в одного из них:

– Вот именно! Смешно! Ничего более умного не смогли придумать? "Угостить пивом"! Вон бомж бутылки собирает – угостите пивом его! Не хочется проявить альтруизм?

– Заткнись! – бросил кто-то, но не лидер, который перепалку по-прежнему игнорировал.

– А главная проблема заключается в том, – продолжал парень, – что у вас по пьяни мозги отключились. Голова уже не думает – все! Думает другое место. Да? Что, с подружками совсем плохо?

Что-то из его слов проняло лидера. Тот поднялся, покачавшись на узком каменном ребре, и направился к остальным. "Сейчас будет драка", – подумала Полина.

Но она ошиблась. Лидер даже не посмотрел в сторону своего оппонента. Лишь бросил презрительно: "Баба", – и зашагал прочь.

– Серега! – окликнул кто-то.

Настроение в группе изменилось. Теперь на сидящих в воде перестали обращать внимание. Некоторое время товарищи переглядывались – видимо, решая, что делать. Потом один из них снова крикнул:

– Серега! – и быстро догнал лидера. Они о чем-то заговорили.

Это вызвало цепную реакцию. Еще двое присоединились к компании. На берегу остался только их защитник, и еще тот самый, кто в самом начале рассказывал историю. Полина узнала его по голосу.

– Вовка, ты чего? – спросил он тихо.

– Я не пойду с ними, – выговорил Вовка. Его лицо сейчас было очень бледным. – Иди, Костик, если хочешь...

Резко повернувшись, он направился в другую сторону. Костик еще несколько секунд стоял, выбирая компанию, а затем поспешил за одинокой удаляющейся фигурой. Берег опустел.

Полина перевела взгляд на Димку. Тот, казалось, был испуган до полусмерти. Девушка нежно тронула его плечо:

– Они ушли.

– Ты... уверена? – парень повернул к ней лицо, не менее бледное, чем у их защитника. Его голос звучал хрипло.

– Уверена, – Полина ободряюще улыбнулась. – Пойдем.

Выбравшись на камни, они быстро оделись. Димка заметно дрожал и упорно не смотрел на свою подругу. А девушка, в свою очередь, пыталась скрыть тоскливое раздражение.

Она не собиралась винить Димку в его страхах – в конце концов он не супермен. С шестью физически развитыми парнями шутя справляется лишь герой какого-нибудь крутого боевика, в жизни же далеко не все так просто. Однако

разве не мог бы ее друг быть хотя бы немного смелее? Хотя бы чтоб не было стыдно за его вид?..

Не дав этим мыслям как следует оформиться, Полина прогнала их прочь. Осталось лишь навязчивое: "Ну надо же было такому случиться!" – и чувство стыда.

Впрочем, событие отвлекло ее от прежних переживаний, и произошедшее в начале вечера осталось только на самом краю сознания. Как ни странно, сейчас девушка чувствовала себя лучше, чем прежде, хотя едва ли это понимала.

Компания, нарушившая их покой, уже давно скрылась из виду, но Полина с Димкой на всякий случай пошли в противоположную сторону.

– Гады, – сказал Димка через некоторое время, нарушая молчание. – Чернь. Profano vulgo. Им наплевать на всех остальных.

Он говорил это с настолько серьезным лицом, что Полина рассмеялась:

– Ах, Дима, я обожаю, когда ты ругаешься на латыни.

Взгляд парня наконец-то оттаял.

– Ну, – произнес он с меньшим пафосом, – это было безобразие.

– Все позади, – заверила Полина. – Зато представь, как через несколько лет мы будем вспоминать эту глупость. Вспоминать и посмеиваться над собой.

Димка едва заметно покраснел, но не стал комментировать высказывание подруги.

Он проводил ее домой, и по дороге тягостное настроение полностью развеялось. Разговор вернулся к обычным темам, а Димка – к всегдашнему себе. Однако Полина никак не могла избавиться от чувства: что-то изменилось. Она по-прежнему испытывала нежность по отношению к парню, только вот эта нежность стала другой.

А значит, их отношениям тоже было суждено измениться. Но девушка не хотела об этом думать.

Вечером, уже лежа в кровати и засыпая, Полина впервые ощутила прикосновение чего-то холодного. Ощущение было таким, словно на ее живот положили металлический шарик – и тут же сняли. Мгновенно очнувшись от полудремы, девушка сбросила одеяло и осмотрелась, однако никаких металлических шариков поблизости не оказалось.

"Наверное, приснилось", – подумала она и, перевернувшись на бок, снова скользнула в мягкую дрему.

2

Утро разбудило ее пением птиц. Солнце поднялось над верхушками деревьев и уже некоторое время заглядывало в спальню. За окном слышались шаги прохожих и разговоры соседок. Ранняя свежесть успела развеяться, уступив место нарастающей духоте. И – ни малейшего намека на ветер или облака.

Полина взглянула на часы: половина девятого.

С кухни донесся негромкий звон посуды. "Суббота, – вспомнила девушка. – Сегодня суббота. Мама готовит завтрак".

Как быстро на каникулах теряется счет времени!

Дверь в ее комнату была прикрыта: по выходным мама часто вставала раньше и, начиная готовить, старалась оградить спящую дочь от неизбежного шума. Через полчаса она войдет в окружении аппетитных запахов и скажет: "Полиша, стол накрыт. Иди умываться!"

Все будет, как раньше. Или почти как раньше.

Полина тихонько встала и выглянула в незанавешенное окно.

У соседнего подъезда стоял оранжево-желтый молоковоз, но очереди к нему уже не было. Две старушки – одна с литровой банкой молока в руках, другая с бидоном – о чем-то мирно беседовали в нескольких шагах от машины. Продав-

щица терпеливо наблюдала за полуслепым старичком с клюшкой, который, очевидно, тоже собирался купить молоко, но из-за сильной хромоты делал очень маленькие шажки. Водитель, воспользовавшись паузой, заглядывал под капот, намечая следующие цели для починки старенького колхозного ГАЗа.

Лето и жара сказывались на всех: если не считать старичка-инвалида, каждый двигался медленно, с заметной ленцой. Спустя несколько часов движения станут еще более плавными, разговоры – еще тише, и даже птицы перестанут петь. Все живое спрячется в тень, изнывая от неумолимого зноя.

Лето...

Полина любила это время года. За длинный день, за теплую воду в реке, за отсутствие надоевших школьных уроков и домашних заданий. За возможность беспрепятственно заниматься тем, что нравится.

Повернувшись к письменному столу, она выдвинула один из ящичков. Среди неизбежных школьных принадлежностей нашла аккуратную, но уже прилично потертую общую тетрадку. Задумчиво рассматривая ее, присела на краешек кровати. Открыла первую страницу.

*Пусть солнце улыбается всегда,
Пусть неба не поблекнут краски.
Любая неприятность – ерунда,*

Ведь наша жизнь не хуже доброй сказки.

Стишок был старательно выведен фиолетовыми чернилами прямо посередине чистого листа. В уголках – зеленые и красные завитушки.

Дела давно минувших дней. Помнится, она очень гордилась этим своим творением: все получилось очень складно, с рифмой, смыслом и размером. Но проходили месяцы, годы, и стишок казался Полине все более несовершенным. Смысл – слишком наивен, очень похоже на песенку "Пусть всегда будет солнце". Размер... ну да, во второй строке куда-то подевался один шаг: вместо пятистопного ямба получился четырехстопный. Фраза "не хуже доброй сказки" звучала не совсем удачно.

Однако, иногда перечитывая эти строки, Полина улыбалась и не спешила вырывать первый лист. Простенькое четверостишие задавало тетрадке особый тон, словно оно заключало в себе нечто большее, чем обычная игра словами. Словно в нехитрые фразы действительно можно было вложить душу.

И еще: именно с него, с этого стишка, все начиналось.

Девушка наугад перевернула несколько листов. Запись мелким почерком, без даты:

"Люди не знают, почему они пишут стихи в молодости, но знают, почему перестают это делать позже. Учеба, ра-

бота, дети, дел невпроворот. Наверное, мы что-то теряем на пути к нашей взрослой – предсказуемой и однообразной – жизни. Отказываясь от тайны, мы спешим заменить ее рациональными объяснениями. Правильно ли это?

А может, вопрос нужно поставить по-другому: неизбежно ли это?"

И ниже:

*Проходит время слишком быстро,
И что-то все трудней менять,
Но в этой жизни два есть смысла:
Себя найти – и потерять.*

Она написала это всего пару месяцев назад: сейчас, когда тетрадка почти закончилась, у Полины проснулась страсть к замечаниям по поводу собственного творчества. Более поздние вставки теснились на полях, или в больших отступах между старыми стихами – благо, места хватало.

Интересно, к чему относился этот комментарий? Полина заглянула на предыдущий лист. Ну конечно, романтические рассуждения о поэтах и поэзии, в стихотворной же форме. Окончание звучит почти торжественно:

*А ты подумай, и в забвеньи
Воспрянешь мыслью вновь и вновь -*

*И ты поймешь, что вдохновенье
Есть та же самая любовь.*

Вспомнился вчерашний вечер. Их с Димкой прощание ничем не отличалось от обычного, однако Полине почему-то казалось, будто в следующий раз они увидятся... не сегодня. Даже если он позвонит, куда-нибудь пригласит – нет. Она едва ли могла объяснить, почему. Просто не хотелось. Что-то внутри нее требовало перерыва, отдыха, маленькой разлуки. Времени подумать, побыть одной.

Услышав приближающиеся шаги, девушка торопливо сунула тетрадку под подушку. С тихим скрипом дверь в комнату приотворилась.

– А, ты уже не спишь, – на маме был ее любимый красно-белый фартук. Волосы убраны под платок, лицо покраснелось от жары. Вместе с ней в комнату пробилась волна настоящего знойного воздуха – ну и, конечно же, ароматы пищи. – Будем завтракать?

– Да, – кивнула Полина.

– Тогда умывайся и переодевайся. У меня уже все готово.

– Хорошо, я сейчас.

На кухне, обрадовавшись временному отсутствию контроля, что-то злорадно зашипело, и мама вновь скрылась за дверью.

Полина легонько покусала нижнюю губу. В такие моменты ей очень хотелось вернуть их с мамой отношения на два-

три года назад. Или, может быть, на четыре.

В последнее время они часто ругались. Причины тому находились самые разные: от мнения по поводу одежды, которую Полине следовало носить, до уборки в доме и прочих малоприятных обязанностей. Подростки плохо уживаются с родителями, об этом девушка уже слышала, но ей казалось, будто и мамин характер испортился. Та сделалась сварливой и придирчивой, а чаще – равнодушной, и лишь иногда в ней просвечивала прежняя – заботливая и любящая – мама.

Полина подозревала, что причины этих изменений ей очень хорошо известны, и потому как-то во время одной из ссор она выкрикнула: "Он убивает тебя, разве ты не видишь?!" Уже позже поняла, что в ее словах было слишком много пафоса – по-детски серьезного, но напоминающего фразу из какого-нибудь картонного сериала. Такое просто не могло подействовать. В лучшем случае вызвало бы улыбку. Впрочем, Полина давно убедилась: все остальные ее доводы тоже не имели силы. Человек, которого она ненавидела больше всего на свете, продолжал появляться в их квартире.

Уже неоднократно пригрозив сбежать из дому, девушка теперь все чаще задумывалась об этом всерьез. Да, не выход, но так жить дальше казалось нестерпимым.

Только вот куда бежать?

Однако в моменты, когда мама становилась прежней, Полину охватывал стыд за собственные мысли.

Рука нащупала тетрадь под подушкой. Указательный па-

лец вслепую ткнулся между мягких листов.

"Выбор судьбы, – неожиданно подумала девушка. – Иногда кто-то свыше подсказывает нам, как вести себя дальше. Может, сейчас я открою тетрадку, и там окажется некий ответ, который я давно искала?"

Мысль была не вполне серьезной, но Полина с энтузиазмом вытащила свой тайный сборник. Тот послушно распахнулся на выбранной странице.

Но кто вместо нас выбирает пути?

К кому за ответом тянуться? -

Что лучше: остаться, чтоб позже уйти,

Иль стоит уйти, чтоб вернуться?

– Бывают же совпадения! – пораженно прошептала девушка. Ее вера в "высшие силы" ограничивалась на подобных гаданиях, к которым Полина относилась с большой долей скепсиса. Но вот, в ее мыслях мелькнуло слово "ответ" – и повторилось в стихке.

Спрятав тетрадку в стол, Полина отправилась умываться.

На завтрак были картофельные оладьи. Свежие, только со сковородки, они казались невыносимо горячими, внося свою лепту в общую жару. Находиться в кухне больше минуты девушка не смогла:

– Уфф! Здесь невозможно дышать!

– Ну давай позавтракаем в комнате, – тут же предложила

мама.

Они быстро накрыли небольшой столик. В дополнение к оладьям нашлась баночка густой и холодной сметаны – роскошь, учитывая скромные семейные доходы. Полина ощутила пробуждающийся аппетит.

В комнате еще сохранилась какая-то часть ночной прохлады, но уже после второго оладья девушка вытерла лоб – и обнаружила капельки пота на тыльной стороне ладони.

– Ужасная погода, – прокомментировала мама, заметив это движение.

Сейчас, без платка и фартука, она почему-то выглядела хуже, словно за несколько минут постарела сразу на годы. Забыла поправить прическу, волосы уже давненько не крашены, седина отчетливо выделяется на темном фоне. На лбу – две глубоких морщины. Полные губы почти бесцветны. Под глазами наметились припухлости.

Полина не выдержала:

– Мама, прогони его сегодня!

Их взгляды встретились. Женщина вздохнула и опустила глаза.

– Ты ведь знаешь, я пробовала, – произнесла она покорно.

– Не пробуй, просто выгони на все четыре стороны! Ты ведь так и не приняла твердого решения, правда? Ты не знаешь, хочешь ли избавиться от него.

– Он все равно вернется.

Этот диалог, уже звучавший множество раз, никуда не

вел. Тем не менее, Полина снова и снова ввязывалась в бессмысленный спор. Она даже находила новые аргументы и пыталась сдерживать свой пыл, чтобы и дальше вести беседу спокойно. Тщетно.

– Он возвращается, потому что ты его впускаешь, – тон ее голоса незаметно повысился.

– Однажды он выломал дверь, – напомнила мама. Было заметно, что она не хочет об этом говорить.

– Скажи твердо "нет"! – настаивала Полина.

– Хватит!

За столом воцарилась тишина. Вкуса пищи девушка уже не ощущала. Сердито дожевывая кусок, она сделала новую попытку:

– Ну зачем он тебе?

– Я сказала "хватит", – мать тоже перешла на повышенные тона. – Давай оставим эту тему. Со своей жизнью я разберусь сама.

– Это не только твоя жизнь!

Разговор неотвратимо и привычно скатывался к ссоре. Убежденная в своей правоте, Полина иногда совершенно не понимала маму. Казалось, все факты налицо, и любой неглупый человек способен принять верное решение. Но мама велела себя так, словно не хотела видеть явного.

С мужчиной, о котором шла речь, они познакомились два года назад. Поначалу вежливый, не лишенный шарма, он приносил маме цветы. Затем, став привычным гостем, отре-

монтировал водопроводные краны, прикрутил успевшие отвалиться ручки шкафов, наточил ножи – в общем, привел в порядок домашнее хозяйство. Его забота была в то время кстати... наверное.

Однако Полине он никогда не нравился. Если бывает любовь с первого взгляда, то должна существовать и ненависть с первого взгляда. Во всяком случае, именно к такому убеждению пришла девушка, увидев мамино "приятеля". Ей казалось, что за слащавой улыбкой и чрезмерной внимательностью скрывается пустая, эгоистичная натура, которой в их доме делать нечего.

Спустя несколько месяцев их новый знакомый стал все чаще приходиться пьяным, оставил в покое домашнее хозяйство и практически забыл нежные слова. Перемена была стремительной, но Полину не удивила. Скорее, девушка испытала тогда некое злорадное удовлетворение: вот, правильными оказались ее подозрения, ничего хорошего из себя этот человек не представляет.

Только любые положительные эмоции быстро иссякли под грузом домашних сцен.

Трудно было понять, чего он, в сущности, добивался, и почему его поведение изменилось как раз вскоре после того, как они с мамой оформили свои отношения официально. Полина не могла избавиться от мысли о хитром подвохе – но не могла понять, что же ее новоиспеченный отчим таким образом может выигрывать.

Хуже, что мама не разорвала с ним отношения, а пыталась кое-как подстроиться, найти общий язык. В итоге она неизбежно удалялась от дочери. Отношения в маленькой семье стали прохладными, накаляясь добела лишь во время ссор.

– Ты этого не поймешь, – заявила женщина, откинувшись на спинку старого кресла. Она сейчас выглядела усталой. – Взрослая жизнь отличается от того, что мы себе воображаем в юности. У тебя еще слишком мало опыта.

– Достаточно, чтобы различать вещи хорошие и плохие, – возразила Полина, не в силах сдерживать злость. – Мужчина, который напивается каждый вечер, не может быть хорошим мужем. Который выносит из дома вещи, чтобы поменять их на бутылку самогона. Где делись наши настенные часы с золоченым циферблатом? Он...

– Хватит! – оборвала ее мать тоном, не допускающим пререканий. – Почему ты смеешь так разговаривать с твоей матерью?

Полина рывком поднялась из-за стола.

– Я живу с тобой, – сказала она, порываясь вытереть слезы, но не желая признавать их существование, – потому это и моя жизнь. Или мне следует уйти?

На лице матери застыла маска упрямства. Неопределенно махнув рукой, девушка направилась в свою комнатку.

Как это надоело! Одно и то же каждый день, всегда. Мать вела себя так, словно мнение дочери ее совершенно не интересовало. Да, время от времени она проявляла заботу – но

это была не более, чем забота хозяина о собаке. Или о каком-нибудь другом домашнем питомце.

"Не хочу быть домашним питомцем", – с нажимом произнесла про себя Полина.

Немного посидев на краешке кровати, она открыла шкаф, нашла легкое платье, переделалась и вышла в коридор.

– Ты куда? – ровно спросила мать, все еще сидящая в кресле.

– Прогуляюсь, – нехотя бросила девушка.

– Когда придешь?

– Не знаю.

Она закрыла за собой дверь, не дожидаясь следующих вопросов и наставлений.

Что-то разрушилось в их маленькой семье. Полину стало тяготить пребывание дома, даже если никаких причин для ссоры вроде бы не существовало. Возможно, мама здесь ни при чем, и она сама портит отношения, но девушка не могла себе представить, как можно смириться со всем этим... положением дел. Да хотя бы с тем, что, подчиняясь воле своего нового мужа, мама сама начала пить.

"Есть ли выход? – думала Полина, спускаясь по лестнице и шмыгая носом. – Выход должен быть. Всегда. Но почему же я его не вижу?"

Во дворе было пустынно. Молочная машина успела проехать к следующему дому, а старушки попрятались в квартиры – подальше от жары. Запах нагретых асфальта и пыли

ударил в ноздри.

Сперва Полина хотела спуститься к морю, но, вспомнив вчерашние события, отказалась от этой мысли. Там, конечно, немного прохладнее, да только и шанс напороться на ту же самую компанию больше.

Поэтому она обошла дом и по тенистой улице зашагала к центру.

Прогулка не имела какой-нибудь определенной цели: Полина просто чувствовала потребность остаться наедине с собой, а их квартирка для этого подходила мало. Особенно после очередной размолвки с мамой.

"А как хорошо начиналось утро", – с тоской подумала девушка.

Она понимала, что именно такие моменты, когда мама начинала вести себя совсем по-старому, еще больше провоцировали ее, Полину, на бессмысленные споры. Потому что она знала совершенно точно: самое позднее к вечеру все изменится. Какого бы взаимопонимания за это время они ни достигли, придет он и разрушит их маленький мирок. Снова.

"Не хочу об этом думать!" – решила Полина и начала смотреть по сторонам, надеясь обнаружить предмет, который отвлечет ее от мрачных мыслей.

По левую руку, разделяя тротуар и проезжую часть, тянулась полоска земли с растущими на ней каштанами. Деревья, посаженные около двадцати лет назад, образовали сейчас над головами прохожих сплошной зеленый шатер, сквозь

который лучи солнца пробивались лишь очень редко. Дальше, за дорогой, начинался спуск к морю, а справа высились пятиэтажки, тоже дающие тень. Дорогу уже много лет никто не ремонтировал, однако машины по ней изредка ездили, несмотря на коварные выбоины.

Полина заметила кота. Серый пушистый красавец с достоинством шагал вдоль стены дома, помахивая кончиком хвоста. Он выглядел так, словно, успев совершить множество полезных дел во время своей прогулки, намеревался прилечь где-нибудь в тенистом уголке и проспять до позднего вечера. Девушке почему-то пришла в голову аналогия с героем некоего боевика, в очередной раз спасшим мир и после целой череды бессонных дней и ночей наконец-то собирающимся отдохнуть. Толпы ликующих зрителей, брошенная скромно фраза: "Не нужно благодарить – я выполнял свой долг" ...

– Кис-кис! – позвала Полина.

Кот остановился и с подозрением взглянул на нее. "Что там? Неужели опять репортеры?"

Девушка присела, протягивая руку:

– Иди сюда!

"Ну так и есть! Господи, как они надоели, эти бесполезные жалкие любители сенсаций!" Отвернувшись, кот продолжил свой путь.

Полину развеселили собственные комментарии. Смеясь, она позвала снова:

– Кис-кис!

Кот скосил на нее один глаз и прибавил шагу. Девушка последовала за ним. Заметив это, кот перешел на бег, а затем одним прыжком преодолел более чем полутораметровую высоту и добрался до выбитого подвального окна. Напоследок с явным укором посмотрел на нее: "Прямо-таки прохода не дают, поклоннички!" – и скрылся в темноте.

С улыбкой Полина зашагала дальше, а дойдя до угла дома, оглянулась на маленькое окошко: не передумал ли ее герой прятаться?

Кот и в самом деле передумал. Спрыгнув на землю, он уже прежней походкой трусил в ту же сторону, что и девушка. Вероятно, решил, будто к нему успели потерять интерес. Когда Полина обернулась, серый застыл на месте. "Ну вот, нечем людям больше заняться!" – прочитала она в его глазах.

Мимо проехал грузовик, грохоча на ухабах. Кот напрягся, собираясь при необходимости снова воспользоваться своим убежищем.

Однако девушка больше не собиралась пугать бедное животное. Недоверие к посторонним – вещь в наше время полезная, и здесь осмотрительного кота упрекнуть совершенно не в чем. В районе гаражей охотно жарили шашлыки из всего, что попадало под руку. Полина слишком много раз слышала о пропаже домашних животных, чтобы принимать это за шутку. Да и какие шутки? – бомжи и безработные алкоголики ели мясо с тем же аппетитом, что и все остальные, а воровать кур в "частном секторе" получалось далеко не у

каждого.

– Все, все, ухожу, – сказала Полина тихо, и, развернувшись, продолжила свой путь.

Вернее, попыталась так сделать. Ее движение было стремительным, но она отнюдь не рассчитывала, что поблизости кто-нибудь есть. И потому едва не сбила с ног человека, быстро вышедшего из-за угла дома.

Если бы не этот грузовик, она наверняка бы расслышала его шаги!

– Ой, простите! – от столкновения у нее потемнело в глазах, но Полина автоматически выпалила нужную фразу. Потом ощутила, что падает.

Крепкая рука подхватила ее и снова поставила на ноги.

– Прошу прощения, – мягко произнес мужской голос. – Я мог бы предвидеть, что налечу на тебя. Ты не ушиблась? Все хорошо?

– Да... да, – Полина потрясла головой, восстанавливая ориентацию, и затем посмотрела на незнакомца.

Смуглый мужчина лет тридцати, на полголовы выше ее. Черные волосы пострижены коротко. Высокий лоб. Черты лица гармоничные и приятные – кажется, что они постоянно держатся на грани улыбки. Одет в серые брюки, белую рубашку с галстуком и серые же туфли. В правой руке – папка, которая, вероятно, раскрылась во время столкновения. Лежавшие в ней бумаги теперь белели повсюду под ногами: на траве, на асфальте тротуара и даже на ветках кустов.

– Ой, простите! – повторила девушка и бросилась собирать листы.

– А, не беспокойся! – незнакомец присел рядом, помогая ей.

Вместе они за считанные секунды вернули рассыпанные документы в папку.

– Спасибо, – поблагодарил мужчина. – Еще раз, прости мою оплошность.

Напротив них остановилась старенькая белая "Волга". Незнакомец кивнул водителю.

– Мне пора, – сказал он вслух.

И, легонько потрепав застывшую в растерянности Полину по плечу, сел в машину.

Когда он уехал, девушка задумчиво покачала головой. Надо же, по своей нерасторопности она влезла под ноги занятому человеку! А тот даже не рассердился, хотя явно спешил. Или, может, просто не показал раздражения из вежливости.

В любом случае, ей следовало бы быть немного осторожней. Доставлять людям неприятности, пусть даже маленькие, вряд ли стоит. Особенно посторонним.

"Посторонним? – повторила про себя Полина. – А непосторонним, значит, можно доставлять неприятности? Родным, близким?"

Она осознала, что действительно подумала что-то в таком духе. Это ведь естественно: близкие многое стерпят, тогда как посторонние могут легко за любую провинность втоп-

тать тебя в грязь. Животный инстинкт самосохранения диктует нам, где можно кричать и грубить, а где следует вежливо улыбаться. Так?

Но человек – это нечто большее, чем животное?

Полина взглянула в ту сторону, откуда пришла. Возможно, ей нужно научиться лучше контролировать себя. Тот незнакомец... он казался таким сильным, и его сила была в спокойствии. Наверное, только так можно добиться чего-нибудь в жизни – спокойно и уверенно делая свое дело...

Конечно, место чиновника в мэрии не являлось для девушки предметом мечтаний, но здесь уж каждому свое.

"Быть человеком, – сказала себе Полина. – Быть человеком, вот что самое важное".

Там, дома, осталась расстроенная мама. Они поругались. Но почему уходить прочь?

"Мы больше, чем животные", – твердо повторила девушка и зашагала назад.

Если уж мы склонны причинять боль нашим близким, нужно набраться смелости хотя бы для того, чтобы признать свои ошибки. Признать... а затем исправить.

Но второе без первого невозможно.

Когда Полина тихо открыла входную дверь и, не снимая обувь, прошла в комнату, мама все еще сидела там, за столом. Она плакала.

Полина присела у кресла и тронула ее за руку:

– Мама, прости меня. Я... я не хотела. Не сердись, пожа-

луйста. Я тебя очень люблю.

После примирения Полина почувствовала себя гораздо лучше. Она даже не без удовольствия – редкое дело! – откликнулась на просьбу помочь в уборке квартиры. Девушке хотелось как-нибудь загладить то плохое впечатление, которое оставила ссора после завтрака. Да и, кроме того, они с мамой теперь так нечасто находили общий язык, что взаимное согласие казалось настоящим праздником.

Затем Полина все-таки отправилась погулять: в квартире жара стала, с ее точки зрения, невыносимой. Солнце явно собралось запечь жильцов, словно утку в духовке. Мама, впрочем, сказала, что чувствует себя уставшей после рабочей недели, и устроилась на диванчике перед телевизором. Духота пугала ее меньше, чем необходимость куда-нибудь идти.

Перед выходом девушка захватила свою тетрадку – в голове уже начинали рождаться новые строки, требуя перенести их на бумагу. Удивительно, подумала Полина мельком, как меняется настроение!

Во дворе было еще хуже, чем в квартире. Два часа пополудни, самое пекло. "И как можно жить в районе экватора?" – пришло девушке в голову. Она как-то слышала, будто в первобытных лесах поблизости Амазонки сочетание зноя, высокой влажности и отсутствия даже малейшего ветерка создает невероятно тяжелые для человека условия. "Намного

тяжелее, чем здесь? – полюбопытствовала мысленно Полина. – Это невозможно представить".

Впрочем, сравнивая себя с окружающими, девушка приходила к выводу, что достаточно хорошо переносит жару. Она могла бы даже сейчас отправиться на пляж, тогда как другие хватали ртом воздух и прятались в спасительной тени. Могла бы... но слишком много в последнее время говорилось о том, что дневной загар не самый полезный, и даже опасный, что получать лишнюю долю радиации ни к чему... ну и, кроме того, Полина очень не любила без дела валяться на песке, заботясь лишь о том, чтобы тело правильно подрумянилось. Туристы с севера – это понятно, но зачем местному жителю часами просиживать на пляже? Достаточно два-три раза в день окунаться в море – и через недельку ровный симпатичный загар обеспечен.

"Куда пойти?" – задумалась Полина, остановившись перед подъездом с тетрадкой в руке.

Сам по себе напрашивался лишь один ответ: к морю. "А если они снова там?" – под "ними" девушка подразумевала вчерашнюю компанию.

Однако соблазн тихого местечка и легкого всплеска волн на этот раз оказался очень сильным. "В конце концов, чего я боюсь? – спросила себя Полина. – Посмотреть всегда можно. А в самом крайнем случае – убежать".

Впрочем, в душе она признала, что больше опасается самой встречи, чем каких-нибудь нехороших действий со сто-

роны парней. Ей было неловко.

И все же настроение звало если не на подвиги, то во всяком случае на небольшое геройство. "Нельзя же все время быть трусихой", – решила девушка. Разумная осторожность, конечно, всегда нужна, но это немного другое.

Она обошла дом – во второй раз за сегодня. Улица была пустынна, несмотря на тень от каштанов. Даже коты и собаки в полдень предпочитали лежать где-нибудь в прохладных местах и двигаться поменьше. Воздух над асфальтом дороги – особенно вдали – дрожал зыбким маревом, навевая какие-то странные мысли о гранях реального.

*Где-то там, вдалеке, за туманом болот,
За снегами безжизненных горных вершин
И за зноем пустынь... там нас что-нибудь ждет -
Сон? Мечта? Тень? Опасность? Иль холод один?*

Стишок сложился сам собой, без всяких усилий, и Полина лишь пожала плечами: чего только не взбредет в голову! От строк веяло какой-то тоскливой философичностью, совершенно не подходящей к хорошему настроению. Разум – забавная штука. Холод, опасность... когда вокруг – мирный летний полдень, а дорога под ногами раскалилась до такой степени, что припекает даже через подошву шлепанцев.

Нет, стишок явно неправильный, и заносить его в тетрадку вряд ли нужно. Хотя...

Рассуждая про себя о судьбе неожиданного творения, девушка пересекла проезжую часть, прошагала по виляющей тропинке и вошла в лес.

Здесь было тоже тихо, но намного прохладнее, чем в городе. Чуть дальше, в двадцати шагах, откос превращался в достаточно крутой склон, по которому можно было спуститься к набережной, а деревья росли не так густо, чтобы полностью скрадывать дыхание моря. Листва давала тень, но не препятствовала движению воздуха.

"Пожалуй, я останусь здесь, – решила Полина, осмотревшись. – На набережной все равно жарче... и людей больше".

Среди зарослей подлеска она нашла лежащее бревно. Уселась на нем поудобнее, открыла тетрадку. Задумчиво взяла ручку.

С бревна открывался хороший вид на безмятежную гладь моря, раскинувшуюся внизу и впереди, почти до самого горизонта. Чуть ближе шла набережная, частично скрытая листвой акаций. Сейчас там гулял какой-то человек с собакой, а поодаль слева кто-то купался. Больше людей в поле зрения не было.

Как ни странно, Полина почувствовала себя уютнее. Здесь, на самом верху крутого откоса, среди зелени подлеска, она была почти невидимкой для тех, кто бродил по набережной. Однако даже сама мысль о том, что ей, возможно, придется снова увидеть вчерашнюю компанию, вызывала непонятное напряжение.

Она посмотрела в тетрадку. Чистый лист бумаги, с ровной аккуратной сеточкой разметки. Чистый лист...

Интересно, почему без тетрадки стихи сочиняются гораздо быстрее?

Что там она хотела записать?

От шлюза, огибая волнолом, вырубивала большая самоходная баржа, груженная камнями. Удивительно: в наше-то время – и баржа. Нет горючего, нет денег на ремонт шлюзов, нечего перевозить...

Заметив, что отвлекается, Полина раздраженно поджала губы. Она задумала небольшую поэму-сказку о любви, в духе "Руслана и Людмилы", и некоторые строки уже крутились на языке. Однако хоть сколько-нибудь осмысленное начало отказывалось рифмоваться.

*Давным-давно, в одной стране,
Совсем неважно, где,
По чьей – неведомо вине
Остался царь в беде.*

Полина покривилась: совсем не то. Четырех– и трехстопный ямб делал стих чересчур динамичным... и легкомысленным. Поэма должна быть более размеренной, основательной – как баллада.

Да и что это за начало: "неважно", "неведомо"...

Вот ритм стишка, который пришел ей в голову по дороге

сюда, куда больше годился для поэмы. "Где-то там, вдалеке, за туманом болот..."

Некоторое время она пыталась составить мысленно что-нибудь в таком же ритме, но варианты неизменно оказывались либо примитивными, либо совсем не по теме. Затем Полина опустила глаза и обнаружила, что автоматически водит ручкой по бумаге. Она вздрогнула: раньше за ней приступов бессознательного рисования не наблюдалось.

Тетрадный лист был едва ли не полностью исписан синими каракулями. Неровные спирали, всяческие загогулины, галочки – создавалось впечатление, будто здесь поработал псих-графоман, не умеющий писать.

Несмотря на жару, девушка почувствовала озноб. Когда человек что-нибудь делает и не замечает этого, он явно болен.

Может, она начинает сходить с ума?

Если бы речь шла о каких-нибудь двух-трех линиях, Полина вряд ли стала бы переживать. Однако сплошная вязь каракулей наталкивала на мысль, будто ее рука лихорадочно трудилась все то время, пока девушка рассматривала баржу и пыталась сочинить первое четверостишие для своей поэмы. Глубоко задумавшийся человек в крайнем случае стал бы лениво водить ручкой по бумаге, но с пылом производить загогулины...

– Это тепловой удар, – произнесла вслух Полина, не слишком веря в собственные слова. Она никогда не получала теп-

ловых ударов, даже в более жаркую погоду.

В следующий момент она вскрикнула и выпустила тетрадку из рук. Кривые линии сложились в слова.

"Беги... если можешь... тебя уже ищут..."

Тетрадка упала в прошлогоднюю листву, закрывшись. Широко распахнутыми глазами Полина смотрела на коричневую обложку собственного дневника, чувствуя, как холод внутри делает ее слабой. Она попыталась встать, но не смогла.

Откуда-то налетел ветер. Подлесок заволновался, где-то в ветвях отчаянно застрекотала сорока, торопливо убираясь прочь. Снова открыв тетрадку, ветер перелистал страницы и остановился на том самом месте, с каракулями. И стих.

Теперь, с расстояния в полтора метра, среди крючков и палочек читалось совсем другое, чем прежде:

"Ему нужна ты... только ты..."

Всхлипывая, Полина пыталась перебраться через бревно, подальше от тетрадки, но ужас сделал ее мышцы непослушными.

– Я больна, – бормотала девушка, пытаясь не стучать зубами. – Я больна, больна, больна...

Если бы кто-нибудь сейчас увидел ее лицо, то наверняка испугался бы тоже. Оно стало неестественно бледным, почти белым, а губы приобрели синеватый оттенок.

Попытки убедить себя в том, что увиденное – не более, чем игра воображения, – ничем не увенчались. Полина вери-

ла своим глазам. И, даже пытаясь овладеть собой и обратиться прочь, не могла отвести взгляд от разрисованного листа.

Еще одно смещение фокуса привело к тому, что предыдущие слова вновь распались на бессмысленные каракули. Зато проступили новые:

"Встреча с ним для тебя означает смерть. Беги."

Сейчас буквы казались особенно четкими и большими.

Наверное, существует какой-то предел ужасу, даже сверхъестественному. В какой-то момент Полина обнаружила, что может двигаться. Ноги и руки казались нечувствительными, чужими, но во всяком случае они повиновались.

Из своего бегства девушка мало что запомнила. Ветки, хлещущие по лицу, потерянный шлепанец, колючки акаций, оставляющие царапины на плечах... Она остановилась лишь возле дома.

К реальности ее вернули самые обычные вещи: безмятежность летнего полдня, маленькая собачка, только что выпущенная хозяевами из квартиры и торопливо обнюхивающая каждый кустик, спокойно шагающие по улице прохожие...

Прохожие, кстати, с любопытством поглядывали на Полину. Необычность ее поведения, наверное, здорово бросалась в глаза. Равно как и отсутствующий шлепанец.

Проведя ладонью по лбу, девушка оглянулась. За ней никто не гнался – впрочем, этого она и не ожидала. Однако то, что произошло в лесу, было гораздо страшнее.

А что произошло в лесу?

Полина присела на бетонные ступеньки крыльца. Сейчас она не могла бы заставить себя идти дальше. От ударов сердца содрогалось все тело, руки и ноги вновь стали безвольными, словно у тряпичной куклы; ее мутило. Подобное состояние она однажды испытывала во сне – в какой-то бредовой игре воображения, – но тогда она просто проснулась, и кошмар развеялся. А теперь все было на самом деле.

Что было?

Голос рассудка наконец достучался до находящегося в ступоре сознания. Что было? – спросила себя Полина.

Она нарисовала какую-то ерунду, затем в абстрактном узоре линий ей что-то привиделось и напугало ее до чертиков. Но ведь ничего страшного не произошло! Вообще ничего не произошло!

Сама того не замечая, Полина всхлипнула.

Строки, которые на ее глазах сложились из бессмысленных загогулин, пришли откуда-то извне. От твердой уверенности в этом девушка избавиться не могла, несмотря на все свои усилия. Так в большинстве случаев человек безошибочно определяет свой почерк среди сотен других, особенно если эти другие значительно отличаются.

Это был не ее почерк. Фразы, привидевшиеся на листе, принадлежали кому-то другому.

"Ему нужна ты... только ты..."

Одно из непоколебимых убеждений юности состоит в том, что ты – совершенно особый, и самое главное в жизни про-

исходит вокруг тебя. Полина не избежала этой точки зрения, однако все-таки была склонна относиться к ней критично. Она могла бы вообразить себя главной героиней какого-нибудь выдающегося события – но не без самоиронии.

Здесь же иронией и не пахло.

Наверное, сообщение о маньяке, который решил поохотиться именно на нее, Полина восприняла бы с куда меньшим страхом. Маньяк – явление, несомненно, плохое, но обычное. Здесь же она почти физически ощущала дыхание чуждого. Потустороннего.

Она содрогнулась.

И содрогнулась опять, когда кто-то прикоснулся к ее локтю.

Рядом стояла бабулька – с сумкой в левой руке, из которой выглядывала буханка хлеба и пакет молока. Бабулька тревожно заглядывала Полине в лицо.

– Тебе плохо? – спросила она.

– Нет, ничего. Спасибо, – Полина сделала над собой усилие и встала на ноги. Для этого ей пришлось оттолкнуться от ступенек руками.

Мир тут же закачался и куда-то поплыл.

Сухая прохладная ладонь снова подхватила девушку под локоть.

– Может, отвести тебя домой? – предложила старушка.

– Нет-нет, спасибо, – запротестовала Полина, желая как можно быстрее избавиться от неожиданной помощи. – Мне уже

лучше. Наверное, объелась завтраком. Спасибо.

И она побрела к своему подъезду, провожаемая участливым взглядом. Второй шлепанец она несла в руке.

Тетрадка, за годы сделавшаяся ее маленьким сокровищем, уголком больших тайн и маленьких секретов, осталась в лесу, на ковре прошлогодней листвы.

3

Остаток дня Полина провела, не выходя из своей комнаты. Она чувствовала себя вымотанной, словно целую неделю работала на пределе физических возможностей. Страх постепенно притупился, но апатия, кажется, лишь усиливалась.

Часов в шесть пришел мамин "муженек", непонятно где болтавшийся всю предыдущую ночь. Мама в очередной раз попыталась отправить его восвояси, однако традиционно потерпела неудачу. Полина слушала их перепалку через закрытую дверь и злилась – но лишь чуть-чуть, скорее по привычке, чем от души. Обычные, повседневные вещи потеряли для нее свое значение.

Подобно многим своим ровесникам и ровесницам, Полина не успела выработать собственное представление о религии, Боге и "невидимом мире". Ее воззрения, в зависимости от последней прочитанной книги или последнего просмотренного фильма на эту тему, колебались от радикального атеизма до глубокой убежденности в существовании "все-ленского разума". Чаще всего, впрочем, она придерживалась середины – здорового скептицизма, – считая обе крайности если не заблуждениями, то, во всяком случае, очень слабо обоснованными допущениями. В чудеса, деяния святых и прочие сказки она не верила ни в каком настроении, а от неизбежных попыток вовлечь ее в одну из процветающих ре-

лигиозных сект вежливо отмахивалась.

Теперь ее картина мира – пусть неустойчивая, но в каких-то отношениях вполне определенная – получила сильный пинок. Нечто водило ее рукой, направляло ее взгляд, и это зловещее "оно" вряд ли можно было бы назвать вселенским разумом. Духом – наверное, только в духов Полина не верила.

С другой стороны, фразы из тетрадки лишь предупреждали ее. "Беги..." Не очень дружелюбно, но все-таки... И это возвещало о возможном приходе чего-то худшего. Даже намного худшего.

Полина ткнулась лицом в подушку. Будущее неожиданно окрасилось для нее в самые мрачные тона. Куда бежать? Как? И главное – от кого? От бесплотного, невидимого духа?

А нужно ли вообще бежать? – спросила себя девушка. Ей что-то примерещилось, а теперь она и в самом деле собирается следовать – выдуманному? – советам. Так ведут себя сумасшедшие, и потому прежде всего ей следует навеститься к доктору.

Или просто подождать, – решила Полина, почему-то ощутив душевный подъем. Может, она действительно получила тепловой удар и все выдумала? Стоит ли так сильно переживать, если к завтрашнему утру бред развеется? Ну и душой она себя почувствует!

Полина вымученно улыбнулась: она искренне хотела почувствовать себя душой. Только бы произошедшее оказалось

нелепицей, дурным сном, плодом разгулявшегося воображения. Только бы жизнь и дальше текла спокойно, своим чередом, как прежде.

За дверью что-то ударило в стену, а затем с грохотом обрушилось на пол. Падение сопровождалось звоном разбитого стекла. Дверь вздрогнула: кто-то с размаху врезался в нее с той стороны. Послышалось приглушенное бормотание.

Полина испуганно вскочила на ноги, гадая, что там могло произойти. Громкие звуки, оказывается, способны вывести из оцепенения не хуже, чем какое-нибудь лекарство!

Повернув ручку, она приоткрыла дверь.

На полу, перегораживая коридор, лежало старое трюмо. Большое зеркало разбилось. При этом нижняя его часть раскололась на мелкие кусочки, которые валялись теперь повсюду, – а верхняя осталась в зажимах, отделавшись двумя косыми трещинами. Все содержимое тумбочки – различные флаконы, пуговицы, катушки с нитками – рассыпалось по линолеуму, дополняя картину разрушений.

Среди всего этого бедлама сидел ее отчим и что-то рассказывал самому себе. От него разило перегаром и запахом пота.

– Дурак... – наконец разобрала Полина в невнятной речи. – ... поставил... они идиоты все... какой... ставит тумбочку... прямо посреди коридора... гм...

Понять его было трудно, однако, судя по всему, он вряд ли считал себя виновным в происшествии.

Когда Полина попала в его поле зрения, отчим раздраженно махнул рукой и прислонился к дверному косяку.

Из другой комнаты пришла мама. На миг их взгляды встретились, и Полина уловила выражение ее глаз. В них была усталость, и еще что-то такое, от чего хотелось выть. Безысходность...

Мама молча стала помогать отчиму подняться на ноги, и когда это удалось, повела его в спальню. Полина же, стиснув зубы, вновь закрыла дверь. Присела на край своей кровати.

С каким удовольствием она бы отказалась от созерцания подобных сцен! Господи, ну почему не бывает обычной нормальной жизни! Почему всегда должно происходить что-нибудь отвратительное – с тобой, твоими близкими, или просто где-то рядом? Неужели исключительно для того, чтобы человек помнил о своем бессилии?

Она вытащила из-под стола небольшую коробку. Пожелтевший картон хранил аккуратно сложенные аудиокассеты. В основном старые: довольно часто попадались уже забытые МК 60, перезаписанные несчетное количество раз. Импортные BASF, SONY и AGFA тоже присутствовали, но гораздо реже. Все они были выпущены в конце восьмидесятых – в начале девяностых, и куплены еще отцом. Сама Полина добавила в эту коллекцию лишь две новинки: "Мумий Троль", который она приобрела прошлым летом на собственные деньги, и сборник популярных песен русской эстрады, подаренный ко дню рождения подругой мамы.

Первое ей быстро надоело, а второе она считала, за несколькими исключениями, слишком откровенной чушью.

На старых импортных кассетах хранилось то, что отец особенно любил слушать, и Полина не решалась их пере-записывать. Некоторые вещи нравились и ей – к примеру, Высоцкий, или Тальков. Другие, вроде Pink Floyd, или The Doors, вызывали у девушки чувство глубокой и почти мистической тоски. После нескольких попыток она просто сложила их на самое дно и больше никогда не трогала.

Сейчас ее рука практически на ощупь нашла нужное. Одна из стареньких советских МК, в изрядно потрепанном футляре. Старая обложка коробочки куда-то потерялась, а на вложенном вместо нее кусочке клетчатой бумаги стояло краткое: "Кино '88".

Магнитофон "Весна" – тех же времен, что и кассеты, – сперва угрожающе зашипел, однако при первых же звуках музыки прекратил безобразничать. Качество, правда, все равно оставляло желать лучшего, но могло быть и хуже.

"Могло вообще ничего не быть", – подумала Полина, вспомнив, как однажды едва не силой отобрала у отчима этот самый магнитофон. Возможно, отчим просто хотел послушать музыку, но девушка ничуть не сомневалась, что даже это безобидное намерение не спасло бы магнитофон от участи некоторых других предметов в доме. Взятые "во временное пользование", они исчезали навсегда.

Ровный ритм заглушил звуки, доносившиеся из другой

комнаты, и это Полину вполне устраивало.

Почему мама не скажет этому разгильдяю, чтобы он убрался прочь? Зачем терпит его выходки? В конце концов, он не единственный мужчина в городе, и непьющих здесь тоже хватает. Она, Полина, отнюдь не против того, чтобы мама повторно выходила замуж... отца все равно не вернешь. Но, выбрав однажды из всех вариантов самый худший, та продолжает упорствовать в своем выборе. Делая вид, что никакого выбора нет.

Неужели так трудно сказать однажды "нет"? Сказать, не играя, а от чистого сердца, предварительно взвесив все "за" и "против"? Полина была уверена, что сделай мама так – и "дядя Миша" послушался бы. Несмотря на свое превосходство в силе, несмотря на пьяный угар... он бы уступил. Как уступил ей, Полине, в краткой схватке за магнитофон.

Разные вещи, конечно, но...

Погибший около десяти лет назад в автокатастрофе Виктор Цой пел:

Сигареты в руках, чай на столе -

Так замыкается круг,

И вдруг нам становится страшно что-то менять.

– Почему страшно? – вслух спросила Полина, неожиданно для самой себя вслушиваясь в слова давно знакомой и привычной песни. – Почему?

Она подошла к распахнутому окну.

Солнце уже почти скрылось за горизонтом: из своей комнаты Полина не могла его видеть, только наступление сумерек и без того становилось все более отчетливым. Верхушки тополей еще краснели в предзакатных лучах, однако четкая граница тени неотвратимо вытесняла эту красноту прочь, к небу. Радуюсь этому, комары начали собираться в стайки. Их жужжание казалось чуть ли не единственным звуком, наполняющим воздух.

Мысли девушки вернулись к произошедшему в лесу, и она снова ощутила, как на затылке шевелятся волосы. Было или не было, событие в любом случае не предвещало ничего хорошего. Если у нее случаются галлюцинации, то может ли она доверять тому, что видит?

Может ли вообще человек доверять тому, что он видит?

Полина высунулась в окно почти по пояс, глядя вниз, и вдруг пришла к выводу, что боится. Даже здесь, дома, в своей личной комнате, она чувствует страх перед тем, что снаружи. Сгущающаяся темнота, безмолвие, пронзительное жужжание комаров – все это словно приобрело какой-то злобный оттенок, и даже последние лучи солнца на верхушках тополей скорее подчеркивали, чем отрицали застывшее в ожидании... что? Опасность? Красный цвет всегда символизирует опасность...

Город стреляет в ночь дробью огней,

*Но ночь сильнее,
Ее власть велика... –*

пел тем временем Цой.

"Прекрати!" – сказала Полина самой себе. С такими мыслями можно открывать общество содействия духам по запугиванию населения. Разве нельзя размышлять о чем-нибудь более приятном?..

Прикрыв окно, она вернулась к кровати. Затем подумала, встала и закрыла створки полностью. Чтобы комары не налетели... и просто на всякий случай.

Сон был тревожным. Она то убегала, то пыталась перейти через дорогу, но постоянно что-нибудь случалось. На дороге она падала и с удивительной четкостью видела наползающее брюхо огромного грузовика, который не мог остановиться. Понимая, что ее сейчас задавят, девушка пыталась отползти в сторону, однако ужас не давал ей сдвинуться с места. Во время погони она изо всех сил пыталась бежать быстрее, но преследователей, казалось, это лишь подбадривало. Каждый ее рывок не увеличивал, а уменьшал расстояние до них.

Два этих эпизода чередовались, и участвуя в одном, она ничего не помнила о другом.

Проснувшись в холодном поту, Полина с облегчением осознала себя живой. Кошмар остался там, за невидимой, но прочной гранью – и слава Богу! Бывают сны, после которых

полнее ощущаешь собственное благополучие.

Она перевернулась на спину, отталкивая прочь одеяло.

На дворе стояла ночь. Что-то внутри Полины подсказывало: уже почти утро, – но звезды продолжали сиять с черного небосклона, отбрасывая любые намеки на близкий рассвет. Впрочем, чувству времени Полина редко доверяла полностью.

Лежать казалось почему-то неудобным. Перевернувшись на бок, затем снова на живот, Полина пришла к выводу, что в комнате слишком душно. Еще бы: вечером она полностью закрыла окно, и сейчас воздух уже казался липким.

Неудивительно, что ей снятся кошмары.

В комнате было темно. Снаружи тоже, но как-то по-другому. Наверное, свет звезд вносил свою лепту: во всяком случае, Полина четко видела прямоугольник окна. Более того, она могла разглядеть предметы обстановки: письменный стол, стулья, шкаф. Часы на стене темнели неотчетливым пятном. Как ни напрягай зрение, циферблата не увидишь.

Перекатившись к краю, Полина свесила ноги. Паркет чуть скрипнул, когда она встала. Осторожно, стараясь ни на что не наткнуться, девушка подошла к окну. Открыла сперва форточку, а затем и нижнюю часть (если открывать все вместе, раздавался такой скрежет, что можно было разбудить полдома). С наслаждением вдохнула ночную свежесть.

Впрочем, не совсем свежесть. Раскаленный бетон не успел остыть всего за несколько часов, а листочки на деревьях

продолжали висеть в неподвижности: штиль. Однако после спертого воздуха комнаты и это казалось чуть ли не раем.

Хотелось спать. С другой стороны – Полина поняла это лишь сейчас, – хотелось в туалет. Не сильно, но раз уж она встала...

После звездного неба мрак комнаты стал еще более непро- ницаемым для взгляда. Полина двинулась к двери скорее наугад, по памяти, ощупывая пространство перед собой, прежде чем сделать очередной шаг. Легонько наткнулась на стул – это позволило ей восстановить ориентацию. Более уверенно добралась до стены, нащупала дверную ручку.

В коридоре тоже царил темнота, особенно возле входной двери. Впрочем, Полина прожила здесь уже шестнадцать лет – за такой срок нетрудно изучить трехкомнатную хрущевку до мелочей. Привычно щелкнув выключателем, она вошла в туалет.

Электрический свет резал глаза, заставляя жмуриться. Сон отступил еще дальше. Жужжание невесть откуда взяв- шегося комара выдергивало из покоя полудремы, порождало раздражение, мысли...

И тогда она вспомнила.

Кроме духоты, существовала еще одна причина, по кото- рой ей могли сниться кошмары! Написанное в ее тетрадке...

"Это было на самом деле, или тоже приснилось?" – поду- мала девушка, наморщив лоб.

Грань между реальным и вымышленным вновь показалась

ей размытой. То, что она считала сном, могло происходить на самом деле. Или наоборот.

Господи, нужно разобраться...

Конечно, есть очень простой метод: проверить, лежит ли тетрадка в ящике стола. Если да, значит, можно выбросить эту чепуху из головы и спокойно ложиться спать. Если нет...

Полина посмотрела на запертую изнутри дверь. Здесь-то светло и почти не страшно...

Она вдруг осознала, что не может заставить себя пошевелиться. Больше всего ей хотелось втиснуться в уголок и тихонько дождаться рассвета. Меньше всего – возвращаться в кровать, зная, что где-то за пределами видимого, в непроглядной тьме, может скрываться нечто.

Ее взгляд упал на руки. Кожа была покрыта пупырышками, как от мороза. Это в такую-то жару!

Но стыдиться собственных страхов Полина не могла. Она уже точно знала, что не найдет тетрадку в столе. Ее мозг достаточно проснулся и успел разложить все по полочкам. Грузовик и погоня были во сне, а вот бессмысленные линии на листе – по-настоящему.

"Взрослые тоже боятся темноты, – подумала девушка. – Иначе не стали бы сочинять сказки о нечистой силе, которая приходит в полночь и пропадает с первыми петухами".

Эта попытка подбодрить себя оказалась прямо-таки противоположное действие. Вспомнилось, что сейчас – как раз самое время... и что в каждой сказке есть зерно истины.

Во всяком случае, так говорят.

"Говорят: кур доят", – передразнила себя Полина. Сказки сказками, но ситуация начинала приобретать дурацкий оттенок. Быть пойманной в туалете собственным воображением...

Впору посмеяться от души.

Она едва не вскрикнула, почувствовав на животе холод металла. Небольшой шарик коснулся ее кожи в районе солнечного сплетения, задержался там на секунду-другую, а затем покатился вниз, к пупку. Где и остановился, игнорируя законы всемирного тяготения.

Лихорадочно задрав подол ночной сорочки, Полина уставилась на свой живот. Никаких шариков там не было – ни металлических, ни из какого-либо другого материала.

Но ощущение твердило об обратном.

Медленно, словно опасаясь собственных действий, девушка накрыла пупок ладонью.

Ничего. Кожей ладони она осязала лишь теплый живот, без каких бы то ни было посторонних предметов.

Однако шарик никуда не делся. Кожа живота считала его не менее реальным, чем ладонь. Только, в отличие от ладони, он оставался ледяным.

Сперва легко, а затем с силой Полина потерла живот.

Бесполезно. Ощущение продолжало упорствовать.

Потом к первому шарiku добавился второй. Он выкатился откуда-то из-под правой подмышки и тоже улегся в райо-

не пупка, рядом с товарищем.

Третий разделил их компанию вовсе немислимым образом, поднявшись от щиколотки по внутренней стороне левой ноги. Похоже, сила тяжести для них действительно не существовала.

Впрочем, над этим Полина сейчас размышляла меньше всего. Происходящее было очень неправильным. Но она это не выдумала, не могла выдумать, а значит...

Стук ее сердца напоминал грохот парового молота. Кровь бешено пульсировала в висках, мешая сосредоточиться. Пальцы левой руки неистово комкали задранный подол. Сама же Полина широко распахнутыми глазами смотрела на то, чего не могла увидеть.

Собравшись вместе, шарики на миг застыли, затем потянулись друг к другу – и исчезли.

Уже не веря ничему, девушка еще раз провела по животу. Все в порядке, теперь действительно все в порядке. Пропало, словно и не было.

Отпустив край ночной сорочки, Полина откинулась назад и прикрыла глаза. Некоторое время так и сидела, спиной ощущая холод сливного бачка. Звон в ушах постепенно затихал, сердце тоже успокаивалось. Во рту почему-то чувствовался привкус металла... или крови.

Прошло несколько минут, прежде чем к ней снова вернулась способность мыслить. Полина открыла глаза, обвела взглядом туалетную комнату. Затем встала, стянула через

голову сорочку, тщательно исследовала свое тело. Все нормально, никаких признаков чего-то постороннего. Если шарики и существовали – а они казались очень холодными, – никаких следов их пребывания не оставило. Кожа на животе была упругой и теплой, без пятен или какого-либо покраснения, – в общем, такой, как и везде.

Надев сорочку, девушка поежилась: там, где она касалась сливного бачка, ткань намочла от конденсата и теперь неприятно холодила спину. Однако это неудобство произвело удивительный эффект: страх частично растворился. Из тела ушла отвратительная слабость, забирая с собой чувство бессилия. Полина не перестала бояться совсем, но, по крайней мере, она могла стоять, не держась рукой за стену. И это было достижением.

Учитывая обстоятельства – большим.

Откуда бы ни взялись эти шарики, они только дополняли те самые записи в тетрадке. Значит, тепловой удар здесь ни при чем. Что-то странное, необычное действительно происходит, и ей, вероятно, придется в этом участвовать. Хочет она того или нет – вопрос другой.

Впрочем, возможность галлюцинаций тоже не следует сбрасывать со счетов. Говорят, люди сходят с ума незаметно для самих себя, и при этом уверены, что их галлюцинации – самая что ни на есть реальность.

Полина представила себя в роли душевно больной и нервно передернула плечами. Уж лучше какая-нибудь мистика,

чем пускать слюни в обществе идиотов.

Но что бы там ни было, это нужно обсудить с мамой. Завтра же. С утра. Не теряя времени.

А сейчас следует вернуться в кровать и попытаться заснуть. Она еще не достаточно безумна для того, чтобы ночевать в туалете. Иллюзии или бесплотные духи – если они по-настоящему захотят, то достигнут ее и здесь. Не правда ли?

Словно сомневаясь, Полина нехотя положила руку на рычаг слива. Помедлила еще несколько секунд. Пересилив себя, нажала.

Шум воды показался ей оглушительным, способным разбудить весь квартал. Пожалуй, она бы обрадовалась, будь это действительно так. Девушка поймала себя на мысли, что даже присутствие в квартире отчима немного успокаивает ее. Несмотря ни на что, он все-таки человек...

Подождав, пока бачок снова наберется, и шипение воды полностью стихнет, Полина прислушалась.

Тишина. Если там никто не затаился...

Она поспешно прервала эту нить рассуждений. Прикоснулась к защелке. И обнаружила, что не может открыть дверь.

Такое случилось с ней впервые. Собственные пальцы попросту отказались повиноваться. Разумом Полина понимала, что это смешно, но ее рука вела себя, как чужая. То есть, совершенно игнорировала команды мозга. Защелка оставалась на месте.

После нескольких попыток Полина отняла руку от двери.

Сжала пальцы в кулак. Снова разжала, посмотрела на ладонь.

– Делай то, что я тебе говорю, – произнесла она очень тихо, почти одними губами. – Иначе нас ждут неприятности.

Сработало ли это абсурдное увещевание, но во второй раз защелка открылась сразу. Полина осторожно толкнула дверь.

Мрак коридора расступился перед хлынувшим из туалета светом, однако по углам стал лишь гуще прежнего. Пытаясь унять мечущееся в агонии сердце, девушка огляделась.

Ничего страшного или сверхъестественного. Можно идти спать.

Не выключая свет, оставив дверь открытой, Полина медленно двинулась к своей комнате.

Из дальнего конца коридора донесся неожиданно резкий в ночной тиши рык, и краем глаза девушка уловила движение. Тихо взвизгнув, она бросилась в сторону. Споткнулась о порожек своей комнаты, упала.

Лежа на полу, уже приоткрывшись к самому худшему, она поняла, что произошло.

Рык был просто храпом ее дражайшего отчима (следовало бы привыкнуть за все это время!). Двигалась же она сама, точнее, ее отражение в зеркале.

"Вот это да! – подумала Полина. – Сама себя напугала так, как больше никто не умеет. Так и умереть от страха недолго".

Она ожидала, что сейчас придет мама – выяснить, откуда шум. Но либо шума оказалось не так уж много, либо мама

очень крепко спала. Так никого и не дождавшись, Полина встала, включила у себя свет, затем на цыпочках вернулась к туалету – закрыть дверь и выключить свет там. На зеркало она избегала смотреть: часть, оставшаяся от вчерашнего происшествия, навевала мрачные мысли. Говорят, битые зеркала в доме – к несчастью.

Понимая, что все больше поддается суевериям, Полина ничего не могла с собой поделать. Она лишь старалась не запугивать себя еще худшими вещами.

Например, есть убеждение, что в зеркалах можно увидеть недоступное обычному взору...

Почти забытый, оставленный в детстве страх перед темной снова заявил о себе во весь голос. Просто щелкнуть настенным выключателем и юркнуть в кровать Полина не смогла. В промежутке пришлось воспользоваться бра, при свете которой она иногда читала на ночь.

Под одеялом было жарко, но, закутавшись, девушка почувствовала себя спокойнее. Через некоторое время она даже нашла в себе силы выключить настенную лампу: та светила прямо в глаза, заставляя жмуриться.

Но уснула Полина, лишь когда за окном зачирикали утренние птички, и тени отступили в свои убежища.

Возможно, она проспала бы до полудня, но часов в девять утра солнце привычно заглянуло в ее комнату. Лучи, падающие на кровать, были слишком яркими, чтобы их игнориро-

вать. Спросонок Полина накрыла голову одеялом, затем хотела задернуть шторы – и поняла, что проснулась.

Ночные события не замедлили вспомниться, мигом спугнув остатки сна. Сейчас все снова воспринималось по-другому. Полина больше не сомневалась в реальности этих... не совсем правильных вещей, которые с ней происходят. Однако безоблачный день удивительно контрастировал с ее страхами, превращая их в нечто нелепое, странное... чрезмерное. Она боялась и теперь, только как-то иначе. Во всяком случае, не теней по углам.

– Потому что их сейчас нет, – самокритично заметила девушка.

Твердое намерение посоветоваться с мамой осталось, и Полина считала его хорошей идеей. Нужно же что-то предпринимать по этому поводу! Может, перестав быть ее личным секретом, эта чертовщина пройдет?

И сбрасывать со счетов помешательство тоже рано, напомнила она себе.

В квартире было подозрительно тихо для воскресенья. Не шумела вода, не гремела посуда. Неужели мама отказалась от привычки готовить завтрак по выходным?

С того момента, когда они остались вдвоем, в их маленькой семье многое изменилось. Полина считала, что в худшую сторону. Это ей напоминало дерево, у которого подрезали корни: некоторое время оно продолжает зеленеть дальше, а затем листочки вянут, сохнут и начинают опадать. Появле-

ние в доме отчима на сей процесс не повлияло – по крайней мере, положительно.

Так что же, теперь еще одна старая добрая традиция осталась в прошлом?

Впрочем, можно ли судить по одиночному случаю?

И все-таки тишина Полине чем-то не нравилась.

Встав, девушка накинула поверх ночной сорочки халат. Выглянула из своей спальни.

Как она и ожидала, на кухне никого не было. В "гостиной" тоже, а из маминой спальни доносилось посапывание. Все еще спят? Ну отчим понятно, он вчера едва до дому дополз... лучше бы не дополз. Но почему мама?..

"А почему я решила, что она всегда должна вставать раньше, чем я? – мысленно проворчала Полина. – Может же человек хоть один раз проспать?"

Однако неприятное чувство не исчезло, и девушка отправилась на кухню. Там ее опасения – то плохое, о чем она старалась не думать, – подтвердились.

В углу стола, слабо замаскированная тряпкой и банками с вареньем, стояла бутылка дешевого коньяка. Темной, отвратительно пахнувшей жидкости в ней осталось немного – на два пальца от доньшка. Тем не менее, Полина могла бы поклясться, что еще вчера бутылка была полной.

Будь это делом рук отчима, девушка вряд ли расстроилась бы. Но вчера вечером "дядя Миша" явился в таком состоянии, что не мог отличить компот от кефира – куда ему

еще заниматься поисками спиртного! Тем более, в их квартире алкогольные напитки водились очень редко, и отчим это знал.

Нет, коньяк пила мама. Сама. Прямо из горлышка, подобно пьянице с большим стажем. Вероятно, хотела сделать лишь пару-тройку глотков, а потом не могла удержаться от еще парочки, и еще.

Именно поэтому она не пришла ночью, когда Полина, испуганная собственным отражением в зеркале, вскрикнула и упала. Шум мог разбудить любого нормально спящего человека – а вот на двух мертвецки пьяных не оказал никакого действия.

Все встало на свои места... но лучше бы места эти располагались как-нибудь по-другому.

Закусив губу, Полина села на табурет.

Так уже было раньше. Один раз – в прошлом году, трижды или четырежды – в этом. Как-то мама даже не пошла на работу: проспала. Тогда она сказала начальнику, что приболела, – и Полина тоже охотно приняла эту версию, подслушанную во время телефонного разговора. Но с каждым последующим случаем обмануть себя становилось все труднее.

Ее мама превращалась в алкоголика.

Девушка не считала, что эти выводы поспешны. Казалось бы, один-два случая – к чему паниковать?.. Однако есть большая разница между людьми, пьющими в компании по праздникам, и людьми, напивающимися в одиночку без вся-

кого повода. Второе даже в единственном случае – уже очень плохой симптом.

Один раз в прошлом году, три или четыре – в этом...

А виноват во всем он!

Полина ощутила прилив ненависти к своему отчиму. Если бы не он, разве стала бы мама втайне от всех покупать спиртное, чтобы позднее – тоже тайком – напиться? Что хорошего принес он в их дом? Только пьяное бормотание, в обмен на исчезнувшие вещи.

Встав, девушка взяла в руки бутылку. Открутила крышку. Понюхала содержимое.

Говорят, коньяк пахнет клопами. Полина не могла бы это подтвердить. Запах дурацкого напитка, почему-то считаемого "благородным", она знала, а вот клопы ей сроду не попадались.

Она вылила остатки в раковину, ополоснула бутылку и спрятала ее в шкаф. Затем вернулась к себе, оделась и тихонько вышла из квартиры.

Желание поговорить с мамой пропало.

Еще одно душное утро превращалось в палящий полдень. У подъезда никого не было, и Полина хотела было устроиться на свободной скамейке, в тени зарослей винограда. Однако, заметив копошащуюся напротив распахнутого окна соседку, изменила свое решение. Ей не хотелось, чтобы кто-то мог за ней наблюдать.

Поэтому девушка поднялась в небольшой скверик, расположенный между ее домом и детским садом, и присела там прямо на траве, не заботясь о чистоте платья.

Она злилась. В первую очередь на отчима. На маму тоже: вместо того, чтобы найти себе приличного мужчину, та думает о безысходности и напивается. Нельзя же быть настолько пассивной – покорно принимать все, что приносит жизнь! Мало ли что этой самой жизни вздумается принести!

Немного позже мысли Полины вернулись к ночным страхам, однако это не утихомирило ярость. Скорее, наоборот.

– Еще и это! – произнесла девушка вслух так, словно выплюнула ругательство.

Какой-то человек, проходивший мимо, вопросительно покосился на нее. Полина заметила его взгляд, но проигнорировала. Лишь раздраженно подумала: ну вот, хотела побыть наедине!

– Значит, я хороша! – тихо заговорила она сама с собой позже, когда поблизости никого не оказалось. – Сужу других за то, что они боятся изменить свою жизнь, а сама испугалась черт знает чего! Какие-то каракули в тетрадке, какие-то металлические шарики! Что за чушь!

Сидеть на земле стало неудобно. Полина поднялась и стала расхаживать туда-сюда.

– Чушь! – продолжала она вполголоса, но выразительно. – Ерунда! Вот пойду сейчас туда и...

Когда она поняла, о чем говорит, и где находится это "ту-

да", язык вдруг одеревенел, а в затылок повеяло холодом. Тем не менее, Полина упрямо закончила:

– ...и заберу ее.

Под "ней" подразумевалась, конечно, тетрадка.

Высказав это вслух, Полина обнаружила, что испытывает двойкие чувства. С одной стороны, внутри нее кипела злость – на маму, на себя, на весь мир. С другой, вчерашние впечатления ожили, возвращая если не страх, то, во всяком случае, трепет перед неведомым.

Впрочем, чего там юлить – просто страх.

Но именно страх заставлял ее злиться. И собственный в том числе.

– Я сделаю это! – сказала она, вышагивая по кругу, а потом подумала: "Если я сейчас буду только ходить туда-сюда и повторять одно и то же, то никогда этого не сделаю. Так что давай, начинай! Прямо сейчас!"

Она остановилась. Глубоко вдохнула. Посмотрела на старенькие шлепанцы, найденные сегодня в шкафу. Подняла голову, откинула волосы со лба.

И почти с фаталистической решительностью зашагала к месту, на котором вчера пережила столь неприятные моменты.

Пройдя сотню метров, девушка неожиданно для себя осознала, что это дается ей легко. Какое-то пьянящее чувство наполнило ее сознание. Безразличие, но в то же время злое веселье – вот как она могла бы охарактеризовать свое на-

строение.

Вспомнилось, как Димка в рассуждениях по поводу одержимости Раскольниковова когда-то заметил: "Такое право мне и даром не нужно, но быть тварью дрожащей... тут он, пожалуй, нас поддел. Дрожать мы все не любим – и все дрожим".

Димка понимал многие вещи. Те, что касались его самого – не исключение. Позавчера он струсил, а теперь, вероятно, ненавидит себя за это.

Впрочем, может и нет, решила Полина. Он так и не позволил ей, не зашел навестить. Все опасается, что об их отношениях станет известно еще кому-нибудь. Снова боится... но чего?

Войдя в лес, она замедлила шаг. Тишина, отсутствие людей, заросли кустарника, в которых могло скрываться что угодно, – все это действовало угнетающе. Раньше она не испытывала здесь подобных чувств... но раньше с ней не происходили всякие малоприятные штучки, которые нормальный человек вряд ли в состоянии объяснить.

В этих условиях приподнятое настроение куда-то быстро улетучилось, оставляя девушке лишь злость и желание довести начатое до конца. Не сдаваться, даже если не уверен, даже если трусишь, – вот древняя формула успеха.

К тому же, в тетрадке остались такие записи, которыми она очень дорожила.

"Раз, два, три, четыре", – Полина начала считать шаги, чтобы заглушить ползшие в голову мысли-страшилки.

Вон из-за того куста что-то смотрит, вон что-то зашелестело листвою... это не ветер... "Раз! Два! Три! Четыре!"

Она добралась до места без приключений, но ноги почему-то стали, как деревянные. Такое впечатление, будто они больше не сгибались в коленях. Полина шагала, широко выбрасывая их в стороны, подобно клоунам в цирке.

Правда, ей на это в данный момент было наплевать.

Тетрадка лежала там же, где Полина ее оставила, только в закрытом виде. Может, снова порыв ветра... Во всяком случае, девушка этому лишь обрадовалась. Она не хотела видеть тот лист... не сейчас.

На миг возникло сравнение с приманкой в ловушке, однако Полина уже не отвлекалась. Она схватила тетрадку и попятилась, озираясь.

Лес хранил молчание.

Шагов через двадцать она повернулась к месту спиной. Зашагала прочь, ежесекундно сдерживаясь, чтобы не перейти на бег и поменьше оглядываться. "Ничего страшного, ничего страшного", – твердила она, как заклинание, но волосы на затылке все-таки стояли дыбом.

Дважды она осознавала, что начала идти слишком быстро, и нарочно останавливалась. Сердце в груди замирало, руки холодели, однако Полина чувствовала себя все лучше. Она владеет собой, несмотря на то, что хочется забиться в темную нору и скулить от ужаса!

На подходе к дому она уже ухмылялась. Какие бы страш-

ные картины ни рисовало ее воображение, реальность оказалась вполне обычной. Ни невидимых соглядатаев, ни призрачных голосов, что-то шепчущих в ухо...

Господи, как здорово, когда все обычно!

Присев на скамейке у подъезда (соседка больше не маячила в окне), Полина медленно открыла тетрадку. Нашла нужный лист. Всмотрелась.

Безумные штрихи замельтешили в глазах, а затем сложились в слова:

"Он стоит за твоей спиной".

4

Когда люди к чему-то привыкают, они перестают этого бояться.

Если бы все ограничилось странными ощущениями в районе живота и дурацкими фразами из тетрадки, то, пожалуй, к концу следующей недели Полина чувствовала бы себя вполне прилично. Почему бы нет?

Однажды, с полгода назад, ей довелось участвовать в "вызове духа": ее одноклассницы решили погадать насчет парней, а Полину пригласили для компании. Было немного страшно, особенно когда мистический сквозняк (откуда ему взяться зимой в закрытом помещении?) задул свечи, но к утру происшествие забылось.

Теперь все могло бы произойти похожим образом... если бы события свернули на более благополучную тропу. Неведомые силы, однако, на достигнутом останавливаться не собирались.

В понедельник утром Полина уже не без юмора вспоминала вчерашний всплеск страха. "Он стоит за твоей спиной"... Тогда Полина едва не сверзилась со скамейки, обернувшись столь быстро, что потемнело в глазах. И кого она увидела?

"А кого я ожидала увидеть? – спросила себя девушка. – Полярного медведя? Инопланетного монстра из фильма "Чужие"? Возвращающегося с рыбалки соседа?"

Впрочем, она знала, что могло напугать ее больше всего. Призрачная, не отбрасывающая тени фигура, медленно приближающаяся к Полине с вытянутыми вперед руками. Эдакий штамп из историй с привидениями...

Конечно, там никого не было. Воздух немного дрожал над разогретым асфальтом и вблизи стены дома, но привычное явление отнюдь не претендовало на нечто большее. Во всяком случае, булгаковский клетчатый из этого воздуха не соткался.

Юмор юмором, однако весь понедельник девушка безвылазно просидела дома. Когда позвонил Димка, она просто сказала, что сегодня не может никуда пойти. Парень заметно расстроился, и Полина это почувствовала, но вопреки обыкновению она не стала вдаваться в подробности.

"Кому и что я могу объяснить? – думала девушка. – Кто мне поверит?.."

Вечером мама вернулась с работы одновременно с отчетом. Последний был на удивление трезв, но и угрюм. Его присутствие уже само по себе не располагало к душевным беседам, а если добавить сюда настроение не выпившего алкоголика... В общем, разговор с мамой Полина в очередной раз отложила до лучших времен.

Поужинав в сопровождении тараторящего телевизора, они разбрелись по комнатам.

Сокровенная тетрадка лежала прямо на столе. Полина больше не находила нужным ее прятать: что-то изменилось

то ли в самой девушке, то ли в ее отношении к этому... предмету.

Или, может, она неосознанно хотела, чтобы кто-то открыл тот самый лист и взгляделся в каракули? Увидит ли он, посторонний, так потрясшие ее фразы?

Взяв тетрадку, Полина села к подоконнику (за столом уже было темно, но включать свет она не хотела – комары налетят). Открыла исчерканный лист. Мельком взглянула на бессмысленные линии, стараясь не концентрироваться. Ерунда. Не иначе, как рисунок сумасшедшего. Причем не тихого психа, которому разрешен бесплатный проезд в общественном транспорте, а довольно-таки буйно помешанного.

Краем глаза девушка уловила среди линий какое-то движение и поспешно перевернула два листа. Не хватало ей еще новых сообщений!

Некоторое время она просто сидела, глядя на чистый тетрадный разворот. Затем достала ручку и начала записывать:

"Не знаю, что со мной происходит в последнее время, но мне кажется, это мир сходит с ума, а не я".

Она остановилась. Покусила губу. Погрызла колпачок от ручки. Нарисовала в углу листа что-то бесформенное.

Слова не шли.

С ней и раньше случались приступы творческого ступора, но сейчас дело заключалось в другом. Полина попросту не могла подобрать аргументы. Написанное на бумаге утверждение казалось голословным.

В конце концов сдавшись, она отложила ручку. Наугад выбрала одну из старых кассет, включила магнитофон. Задумчиво, невидяще уставилась в одинокое предложение на белой бумаге.

Удивительно красивая музыка наполнила воздух, незаметно вытеснив остальные звуки...

...Когда ей было лет десять, они с отцом как-то выбрались на природу. Вдвоем, потому что мама работала. Напекли картошки, нажарили шашлыков. Отец много шутил, да и вообще производил впечатление человека, переполненного оптимизмом и жизненной энергией. Таким он Полине всегда нравился. Девушка даже забыла о костыле, без которого отец уже не выходил из дому.

Но все испортили проходившие мимо школьники. Трое парней, лет по двенадцать, они, наверное, неторопливо возвращались из школы. Увидев у костра маленькое сообщество, один из мальчишек нагло прокричал:

– Эй, дед, сколько время?

Его фраза почему-то необычайно понравилась остальным, и те подхватили:

– Эй, дед, иди сюда!

– Хромой, иди домой!

Казалось, возможность безнаказанно похамить кружила им голову – разве мог человек с костылем угнаться за ними! Полина тогда захлебнулась возмущением и собственной беспомощностью.

Однако реакция отца была неожиданной.

Он медленно поднялся, правой рукой опираясь на костыль. А затем как-то враз изменился: стал выше ростом, шире в плечах, словно разгневанный волшебник из детской сказки. Таким Полина видела его впервые.

Когда он заговорил, его голос прогрохотал на всю округу:

– Старик? Пусть так... Но кто посмел смеяться?! Где тот герой, что бросил вызов нам?

Его правая нога подбила костыль, который прочертил в воздухе дугу и, удерживаемый рукой, остановился, кончиком указывая точно на первого мальчишку. Ничуть не хромая, отец сделал три твердых шага и продолжил:

– Не ты ль? Ну что ж, нам следует остаться. Я научу почтенью к старикам!

Все это, несмотря на некую театральность, звучало настолько серьезно... Полина не знала, что и думать. Ну а мальчишки просто дали стрекача – да так, что один из них врезался прямо в дерево. Не теряя времени на то, чтобы потереть ушибленный лоб, он еще раз затравленно оглянулся и побежал догонять остальных.

Пожалуй, стая разъяренных волков не могла бы напугать их больше, чем это неожиданное перевоплощение.

Когда они скрылись из виду, отец расхохотался. Привычно опираясь на костыль, вернулся к костру.

– Импровизации мне часто удавались, – заявил он не без гордости – правда, с ироничным оттенком. – Теперь эти

мальчишки будут считать меня ненормальным.

– А разве это не обидно? – спросила Полина.

Отец пожал плечами:

– Кому как. Но, как говорят, не имеет смысла обижаться, если тебя называют дураком. Если ты и впрямь дурак, то это просто правда. А если нет – тем лучше.

Немного помолчав, он добавил:

– К тому же, все мы немного ненормальные. Все люди. Ни один человек не похож на другого, как две капли воды. Особенно же это касается тех, в ком есть особенная искорка, талант. – Увлеченный какими-то своими мыслями, он стал серьезным. Затем, после еще одной паузы, продолжил: – Поверь мне, однажды ты начнешь думать, что ты очень-очень ненормальная. Но тогда просто вспомни мои слова... и поверь еще одному: так должно быть. А потом, позже, ты поймешь, что в этом твое счастье.

...Отзвучал последний аккорд композиции, и Полина озадаченно заморгала. Какая красивая песня. Удивительно, что эта кассета не попадалась ей раньше.

Попадалась, возразила себе девушка. Просто лента стояла на другой композиции. Да и, наверное, всякой музыке – свое настроение.

Но воспоминание, навеянное мелодией, потрясло ее куда больше, чем собственная невнимательность. Давно забытый разговор. Мог ли отец уже тогда знать, что с ней будет происходить сейчас? Или он имел в виду нечто другое?

Может, за всем этим стоит какая-то тайна?

В подобных размышлениях Полина провела остаток вечера. Странно, однако воспоминание словно прибавило ей сил. Здорово было ощутить чью-нибудь поддержку, когда мир вокруг окрасился в сплошь недоброжелательные тона!

Вечерело.

Она шла по дороге вдоль моря. Вода, как и на протяжении уже нескольких недель, была безмятежно-спокойной – ни малейшей волны, способной породить всплеск. "Ночь, луна и тишина", – как сказал кто-то из поэтов. Хотя, конечно, ночь наступит еще не скоро, а вместо луны над морем висел красновато-оранжевый шар солнца.

Игра вечернего света и размытых, неотчетливых теней создавала странное впечатление. Казалось, будто на набережной нет ни одного живого существа. Полина знала, что это лишь иллюзия: летом в такое время здесь всегда полно рыбаков, отдыхающих и всяких празднующихся. Чтобы убедиться, она подошла к бетонному ограждению и выглянула на берег.

Действительно никого. Ну что ж, бывает. Возможно, как раз сегодня по телевизору футбол. Или еще какая-нибудь "народная" передача.

Тем не менее, Полине стало немного не по себе. Она вернулась на дорогу и прибавила шаг, попутно пытаясь найти хотя бы одну человеческую фигуру.

По левую руку от нее стоял дом, а дальше расположилась кучка гаражей. Гаражи были частными, но кому принадлежал дом, Полина не знала. Здесь, на набережной, у него отсутствовали соседи. "Хозяев" же девушка видела не так уж часто, и, как ей казалось, все время разных. К тому же во дворе дома располагался колодец, и когда портился водопровод, жители окрестных пятиэтажек приходили сюда с ведрами. При этом разрешения никто не спрашивал – то ли так повелось, то ли колодец в самом деле был народным достоянием.

Здесь Полина услышала первый звук. Шум цепи и вращающегося барабана. Ну наконец, хоть кто-то живой!

Она расслабилась, не сбавляя, впрочем, шага. Дом закрывал собой колодец и того, кто сейчас набирал воду. Чтобы все увидеть, следовало пройти чуть дальше по дороге.

Полина поймала себя на трепетном любопытстве.

Когда колодец вынырнул из-за угла, девушка с облегчением перевела дух. Ну вот, все нормально. Обычная старушка набирает воду – наверное, считает ее менее вредной, чем водопроводную. Подобную картину здесь можно увидеть каждый день.

– С чего это я стала шарахаться? – пробормотала Полина себе под нос.

Старушка, впрочем, просто заглядывала в колодец, опираясь обеими руками о его край, и тяжело дышала. Затем тоскливо оглянулась. Увидев Полину, помахала ей:

– Ой, девочка, ты мне не поможешь? Не вытащу ведро. Одышка проклятая...

– Конечно, – сказала Полина.

Пожилым всегда следует помогать – это правило она усвоила еще с первых классов школы. Однако сейчас ей двигала больше симпатия к старушке: та действительно не справлялась и выглядела жалко. Наверное, привыкла все делать сама, а старость постепенно берет свое...

На дороге покоился толстый слой пыли, которая мягко пружинила под подошвой и взлетала серыми облачками. Глядя на эту пыль, Полина с некоторым замешательством обнаружила, что идет босиком. Интересно, как...

– Совсем замучилась, – сообщила старушка, присев на край колодца. Дыхание с шумом вырывалось из ее груди.

"Неужели когда-нибудь такое будет и со мной?" – мельком подумала Полина, изменив направление мыслей.

Когда она подошла, барабан тихо скрипнул, словно приглашая девушку к работе. Полина заглянула в шахту колодца.

Шахтой это можно было назвать лишь условно: вода колыхалась на уровне двух метров от поверхности. Неудивительно, если учесть, что до моря – десять шагов. И кому пришлось в голову выкопать здесь колодец?..

– Вот, хоть ты мне поможешь, – продолжала ворковать старушка, – спасибо тебе. Славная девочка.

"Что-то не так, – подумала Полина. Тревога возврати-

лась. – Нужно было идти домой".

Ее босые ноги... это имело какое-то значение. Теперь она не могла вспомнить, но...

Уже потянувшись к ручке барабана, девушка вскрикнула. Внизу, в темном зеркале воды, отражалась только она. Отдыхающей на краю старушки не было.

– Славная девочка, – голос рядом вдруг начал утрачивать человеческие нотки, а тяжелые вздохи превратились в шипение.

Полина отшатнулась, глядя на старушку. Та по-прежнему выглядела совершенно нормально, доброжелательно, однако...

Однако ее лицо плыло. Что-то неуловимое, незаметное скользило по нему волнами, делая черты то очень четкими, то размытыми.

Затем враз изменились глаза. Они стали ярко желтыми, с темноватыми прожилками. На девушку взглянули вертикальные зрачки хищника.

– Сла-авная де-евочка, – уже не проговорил, а прошептал голос, от которого у Полины на затылке поднялись волосы.

Словно загипнотизированная, она не могла сдвинуться с места. Ужас, казалось, медленно распространялся по всему телу, замораживая кровь там, куда он успел проникнуть. Хотелось кричать, но из горла вырывался лишь слабый стон.

Кожа "старушки" приобрела серый оттенок. Нос удлинился и загнулся к низу. Когда же это нечто открыло рот, чтобы

в очередной раз сказать: "Славная девочка", – Полина увидела безупречный ряд белых и совершенно не характерных для старушек зубов. Два верхних клыка были настолько велики, что губы уже не закрывали их полностью.

Наверное, ей следовало бы потерять сознание. Но Полина вряд ли могла рассуждать об этом. Она утратила власть над собственными мыслями – впрочем, как и над телом.

Затем одна настойчивая мысль все-таки пробила сквозь хаос, и девушка с неожиданной четкостью подумала: "Если я хожу босиком, то где мои шлепанцы?"

Это спустило какую-то пружинку. словно подчиняясь новой идее, мир вокруг начал блекнуть, а продолжающий свои превращения монстр чуть отдалился.

– Я сплю, – сказала Полина тихо.

Монстр напротив ее угрожающе оскалился.

– Все это просто сон, – настаивала девушка. Ужас, однако, не улетучился полностью – он только ослабил хватку.

Дом, дворик, гаражи, колодец – все окружающие предметы постепенно теряли свои формы и цвета, подтверждая догадку Полины. Но монстр не спешил следовать общему примеру. Вскоре он остался единственной реальностью среди вихря серых теней.

Он снова оскалился, и Полина ощутила зловонное дыхание.

Тогда она закричала.

На дворе стояла ночь.

В ушах звенело – то ли после собственного крика, то ли просто от тишины. Полина хватала воздух так, будто предшествующие пять минут она провела под водой... или в яме с нечистотами. Отвратительная морда чудовища – миг назад еще реальная – таяла перед ее мысленным взором.

Фу, ну и сон!

Полина втащила назад сползшее на пол одеяло и прислушалась. Тихо, однако на самом краю слышимости можно разобрать ровное дыхание спящих из соседней комнаты. Неужели крик ей тоже приснился? Тогда почему так дерет в горле?

– Нужно что-то делать, – прошептала девушка, чтобы подбодрить себя. – С этим нужно что-то делать.

Вновь уснула она лишь с первыми проблесками зари.

Проснувшись около полудня, Полина все же не чувствовала себя отдохнувшей. Дурацкий сон вспоминался до мелочей и уже поэтому не походил на обычные кошмары. Еще вчера она тешила себя надеждой, что все пройдет, но теперь это казалось сродни чуду. Надвигалась большая черная туча, и знаки будущего шторма выглядели зловеще.

Нужно поговорить об этом. С кем-нибудь. С близким человеком, который тебе верит.

После некоторых колебаний она позвонила Димке.

– О, Полина, привет! – выпалил он, услышав ее голос. –

Что с тобой?

– Не знаю, – честно ответила она.

– Вчера мне показалось... что ты не хочешь со мной разговаривать.

– Наоборот, я хочу с тобой поговорить, – возразила девушка.

Однако это его не успокоило. Даже напротив, в голосе ее друга отчетливо зазвучало волнение:

– Что случилось?

Полина заставила себя улыбнуться:

– Да ничего. Ты можешь ко мне зайти?

– Да... да, конечно. Через десять минут буду.

Положив трубку, Полина вернулась в свою комнату. Пролистала дневник, остановилась на исчерканной странице. Не дожидаясь, пока загогулины начнут складываться в слова, снова захлопнула.

Вот и выход. Она покажет все Димке.

Но не струсит ли он? – пришла следующая мысль. Полина живо представила: ее друг с мертвенно-бледным лицом падает в обморок. Что тогда делать?

"Оболью его холодной водой", – сердито решила девушка.

На кого она рассердилась, Полина так и не поняла. На себя – за то, что думает обо всякой ерунде, или на Димку – за то, что ему частенько не хватает мужества?

– В любом случае, кое-что должно выясниться, – пробормотала она.

Застрекотал дверной звонок. Полина взглянула на часы. Даже раньше, чем обещал: прошло всего семь минут.

На полпути к двери ее осенила мысль, от которой девушка споткнулась: а вдруг это не Димка?

Затаив дыхание, она на цыпочках подкралась и выглянула в глазок. Затем шумно выдохнула: тьфу, после этих кошмаров начинаешь воображать что угодно! Конечно Димка! Вон он стоит, весь запыхался. Наверное, бежал.

Правда, старушка во сне тоже выглядела нормально... поначалу.

Не давая себе сосредоточиться, Полина помотала головой и открыла дверь.

– Привет, – сказал Димка, поправляя очки. – Я вот.

– Проходи, – пригласила девушка.

Привычно сняв в коридоре сандалии, он босиком прошлепал в ее комнату. Девушка последовала за ним.

– Так что произошло? – Димка выглядел расстроенным. Или еще более беззащитным, чем обычно, – словно ожидал взбучки. – Ты вся бледная такая.

Полина постаралась напустить на себя беззаботный вид.

– Ничего, – ответила она как можно более веселым тоном. – Просто я, кажется, сошла с ума.

Она не знала, с чего начать, но рассказ полился сам собой. Димка выслушал ее внимательно и совершенно молча. А когда девушка замолчала, спросил:

– Где тетрадь?

– Вот, – Полина взяла со стола свой злополучный дневник и сама открыла на нужном листе. К ее облегчению, каракули все еще были там. Взглянув лишь мельком, она протянула тетрадку парню.

Тот кивнул и начал всматриваться. Полина спросила себя, о чем может сейчас думать ее друг. В нем не было скептицизма. Скорее, он казался деловым, собранным. Как будто перед ним поставили задачу, требующую решения. От прежней незащитности не осталось даже тени.

Вот таким он ей нравился.

– Беги, если можешь, тебя уже ищут, – медленно, едва ли не по слогам, прочитал Димка. – Ему нужна ты, только ты.

Некоторое время он экспериментировал с тетрадью, пытаясь найти новый угол зрения. Затем продолжил:

– Встреча с ним для тебя означает смерть. Беги.

Еще одна пауза.

– Он стоит за твоей спиной.

Полина невольно поежилась, однако что-то в ней ликовало. Значит, все-таки она не вообразила эти строки! Они действительно были там, а это снимало версию о безумии. Почти снимало.

Впрочем, рановато радоваться, – напомнила себе девушка. Ведь могут существовать вещи похуже безумия?

Но, по крайней мере, теперь она не одна со своей тайной.

Димка долго шурился и поворачивал тетрадку туда-сюда, а потом провозгласил:

– Это только начало. Он будет подбираться все ближе, пока не...

Сердце девушки подпрыгнуло: этого она еще не читала.

– Пока не что? – спросила она с напряжением в голосе.

Димка покачал головой:

– Не разберешь. Сейчас-сейчас, подожди...

Он сдвинул очки почти на кончик носа, затем вернул в прежнее положение.

– ...твоих близких... тогда... поздно.

Полина ждала новых слов, но их не было. Наконец, Димка заявил:

– Все.

– Точно? – переспросила девушка.

Он пожал плечами:

– Можешь мне поверить. Подобные штучки я проходил пару лет назад. Ну, в смысле, не такие, но очень похожие. Азы есть у Перельмана в "Занимательной физике". Если хочешь...

Полина нетерпеливо взмахнула рукой: увлекаясь, Димка мог часами рассказывать о каких-нибудь немислимых вещах.

– Что ты об этом думаешь?

Димка запнулся. Снял очки, потер их стеклами о футболку. Снова надел.

– Ну, – сказал он медленно, – вообще эти предупреждения мне не нравятся. Написано... неприветливо. Но в них есть

что-то... Когда читаешь – аж мурашки по коже.

Полина присела рядом с ним на кровать.

– Значит, тебе не кажется, будто я все это просто выдумала?

– Нет, что ты! – заверил Димка. – Такое нарисовать от руки – нужно быть мастером.

Он помолчал, а потом добавил:

– Да ведь и сразу было по тебе видно: что-то случилось.

Девушка вздохнула:

– Не случилось, а случается. "Это только начало" – так там написано?

Димка уставился в пол.

– Я не знаю, – сказал он медленно, подбирая слова, – какие силы есть в этом мире. Но что гораздо хуже: я не знаю, чем могу тебе помочь. – Он посмотрел на нее очень серьезно. – Все, что приходит мне в голову – просто быть с тобой. Постоянно.

Полина вздрогнула:

– Ты имеешь в виду...

Он кивнул:

– Днем и ночью. Если я не смогу оградить тебя от этого, то, по крайней мере, не оставлю тебя одну.

– Но как же родители? Твои, мои?

– Мы взрослые люди, – сказал Димка торжественно.

Девушка улыбнулась: заявление ее почему-то рассмешило.

– Так ты предлагаешь мне выйти за тебя замуж?

Уже в следующий миг она пожалела о своих словах: парень стусевался, растеряв весь деловой лоск. Тем не менее, он ответил:

– Да.

– Спасибо, – сказала Полина серьезно. – Но... можно мне подумать? Это ведь решение на всю жизнь.

Избавится ли она от кошмаров, если кто-то будет рядом? Оставят ли ее в покое незримые "духи"?

Да или нет, но вдвоем-то не так страшно.

Только стоит ли впутывать в это Димку?

– Знаешь, – произнесла девушка вслух, – мы, наверное, можем пока подождать. На самом-то деле ничего не произошло. Пусть какие-то там духи существуют – ну и что? Они ведь не обязательно должны быть опасными? Если бы они вредили людям направо и налево, мы бы давно знали о них больше. Может, у них время от времени находятся свои шутники, которые просто пугают людей. Взялись же откуда-то истории о привидениях!

– Истории бывают еще о вампирах и вервольфах, – мрачно заметил Димка. – А они не такие безобидные.

Затем, словно опомнившись, он взглянул на Полину и прикусил язык:

– Ой, прости.

Девушка рассмеялась:

– Да уж, ободрить у тебя хорошо получается! – Она ле-

гонько щелкнула его по носу: – Шучу, шучу. Ты говоришь правильно: не нужно недооценивать опасность. Но все-таки... давай не будем торопиться.

Упрямо покачав головой, Димка произнес:

– После того, что ты мне рассказала, я не могу оставить тебя одну.

– Да разве же я одна? – Полина махнула рукой в сторону двери. – Со мной мама, отчим. А если дела пойдут плохо, я всегда могу позвонить тебе.

Эти слова вновь заставили парня задуматься. Наконец он сказал:

– Ну, если ты обещаешь сразу же мне позвонить...

Полина нежно обняла его и поцеловала в щеку:

– Конечно обещаю!

– В любом случае. Даже среди ночи.

– Обещаю.

Димка задумчиво поморщился:

– И все-таки я бы остался.

Они проговорили еще пару часов, а потом Димка ушел домой. Вернее, его отправила Полина, которая после беседы чувствовала себя прекрасно. Возможно, сыграло свою роль то, что о своих страхах она поведала другому – и таким образом как бы разделила их вес. Или добавила настроения неожиданная, пусть даже неуклюжая, забота со стороны парня. А может, ее заразила позиция Димки: он как-то сразу,

без возражений или недоверия, принял ее историю. Просто принял.

Хотя, конечно, все эти вещи должны казаться проще, если они происходят с кем-нибудь другим.

Снова оставшись наедине, Полина обнаружила, что ее страх перед тетрадкой исчез. Растворился. Теперь она спокойно открывала любую страницу, и пальцы при этом не дрожали. Более того, она тщательно изучила достопамятные каракули, убедившись в Димкиной правоте. Кроме прочитанных им пяти фраз, там ничего не было.

Впрочем, последняя фраза нравилась девушке меньше всего. Слова будто на что-то намекали. На что-то, чего она, похоже, не знает. Пока.

День незаметно перетек в вечер – гораздо быстрее, чем обычно. Еще бы: Полина редко вставала позже девяти, а теперь вот проспала до двенадцати...

С работы вернулась мама. Она выглядела угрюмой и почти не разговаривала. Полина несколько раз попыталась наладить контакт, но тщетно. Мама отвечала лишь коротко, или даже просто кивала, так что через некоторое время девушка отложила идею поговорить. Не сейчас.

Она как раз собиралась вернуться в свою комнату, когда мама ее окликнула:

– Полиша, сходи за хлебом.

Девушка поморщилась: ей вообще не хотелось покидать квартиру. После всех этих малопонятных предупреждений,

после невидимых духов – или нечистой силы? – дома казалось как-то спокойнее. Тем более сейчас, когда она уже не одна.

Но отказ означал бы новую размолвку с мамой, а Полине меньше всего хотелось ругаться.

Да и потом, подумала она, не сидеть же ей теперь безвылазно в четырех стенах! Что такого может сделаться, когда вокруг люди? Осторожность – это хорошо, но когда тобой руководит исключительно страх, следует пересмотреть свои позиции.

Решив так, Полина переоделась, взяла деньги и впервые за два дня оказалась за пределами нагретой солнцем "хрущевки".

По сравнению с квартирой на улице было даже прохладно. Наконец-то с моря дул слабый ветерок, неся хоть какое-то облегчение для тех, кто измучился зноем. Ощувив его дыхание, многие – особенно пенсионеры – выбрались из своих душных жилищ и устроились на скамейках возле подъездов. Город оживился, дворики загудели голосами. Кто-то обсуждал политику, другие – что и где продается, третьи – приключения некоего Васи на прошлых Первомайских праздниках.

Полина привычно обошла дом и направилась к магазину. То ли от свежего воздуха, то ли от вида привычных пенсионерских компаний, то ли по какой-нибудь еще причине она ощущала прилив сил. Хотелось петь и сочинять стихи. А еще – отмахнуться от всех страхов, потому что жизнь просто хо-

роша.

"Здорово, что мама попросила меня купить хлеба, – думала девушка. – Иначе бы я ни за что не вышла на улицу. А зря".

Она стала что-то насвистывать, дирижируя в воздухе пакетом для хлеба. Нет, сегодня нужно непременно погулять! "Вот позвоню Димке – и пойдем!" – решила Полина.

Мысль о том, что ее друг больше не будет скрывать их отношения от родителей, казалась ей невозможной. Однако именно это следовало из его предложения. Любопытно, не потому ли она испытывает сейчас такой душевный подъем?

Только подумать: больше никаких запретов на звонки после пяти вечера и по выходным! Нет-нет, такого точно не может быть!

Затем Полина заметила кота, который неторопливо трусил вдоль самой стены дома. Она улыбнулась: кот, похоже, был тот же самый, что и несколько дней назад. Тот, который осмотрительно прятался от нее в подвалах.

Такова жизнь: кто-то пугает ее, кого-то пугает она. Полина не смогла удержаться и позвала:

– Кис-кис!

Кот настороженно повел ухом, но походку не изменил. Наверное, решил, что одно "кис-кис" нельзя принимать близко к сердцу.

– Кис-кис-кис! – не отставала девушка.

Кот замер и уставился на нее.

Полина присела, протянув вперед руку:

– Ну, иди сюда!

Шерсть животного встала дыбом, а хвост – трубой. Не двигаясь с места, кот зашипел.

– Ну ладно, ладно! – поспешно сказала Полина. Такой реакции от своего "старого знакомого" она не ожидала. – Уже ухожу.

В ответ кот зашипел еще громче, угрожающе подняв при этом переднюю лапу. Девушка встала и осторожно попятилась. Такое поведение серого ее пугало. Вдруг он бешеный, или еще что?..

Однако вместо того, чтобы удерживать оборонительную позицию, кот сделал несколько шагов вперед. К ней.

– Брысь! – крикнула девушка, притопнув. Она уже была не рада, что затеяла эту возню. – Иди отсюда!

И, не дожидаясь результатов, сама побежала прочь.

Неподалеку от магазина Полина убедилась, что ее никто не преследует, и перешла на шаг. Всю бодрость духа как рукой сняло. Вернулось тягучее, липкое чувство страха – не мимолетного испуга, а чего-то темного и большого на самом дне ее души.

Сама по себе готовность кота наброситься вряд ли могла произвести такой эффект. Но перед своим бегством Полина успела заметить, как зеленоватые глаза животного начали приобретать желтый оттенок.

"Мне могло показаться", – подумала девушка, делая уда-

рение на слове "могло". Однако, подходя к магазину, она не удержалась от того, чтобы еще пару раз оглянуться через плечо.

...Продавец в полном одиночестве смотрел телевизор и поначалу даже не обратил на Полину внимания. Девушку это ничуть не расстроило: после случая с котом она предпочла бы оставаться незамеченной. Взяв с лотка хлеб, она положила возле кассы одну гривну и направилась к выходу.

– Спасибо! – неожиданно сказал продавец.

– Что? – Полина обернулась, едва не выронив хлеб. Мысленно она уже приготовилась бежать. Если только с внешностью продавца что-то не то...

Но парень выглядел вполне нормально. Улыбнувшись (очевидно, по поводу ее испуга), он повторил:

– Спасибо за покупку! Заходи еще.

– А-а... хорошо, – ответила Полина, чувствуя себя душой. И, не в силах сдержать себя, пробкой вылетела из магазина.

Кота поблизости не было. Полина с подозрением уставилась на заросли кустарника. Если серый там, то его все равно не разглядишь.

"Лучше я пойду через дворы, – решила девушка. – Там людей больше".

По приличной дуге она обошла угол дома, то и дело косясь на кусты. Ни за углом, ни в кустах ничего не шевелилось, но Полина ощутила облегчение, лишь попав во дворы.

Людей здесь было действительно больше. Даже намного

больше, чем положено. Уже через миг Полина осознала: что-то не так.

Люди толпились перед одним из подъездов, тихо переговариваясь между собой. Насторожило девушку то, что все хранили серьезный вид, словно нарочно избегая улыбок и шуток. Это создавало тяжелую, мрачноватую атмосферу.

Пройдя между стоящими, Полина оказалась возле подъезда. Она успела догадаться о причинах собрания, но почему-то не могла обойти его стороной. Какая-то ее часть влекла девушку туда, не желая оставаться в неизвестности.

Возле входа в парадное стояли траурные венки. На скамейке тихо переговаривались две старушки, одна из них вытирала платком глаза. Перед крыльцом расположился накрытый простыней стол – или подставка, – который сейчас пустовал. Присутствующие чего-то ждали.

Полина уже не раз видела похороны, поэтому она хотела было пройти дальше. Но тут из парадного донеслись звуки спускающихся людей. Двое мужчин вынесли гроб и установили его на подставке.

Присутствующие зашевелились.

– Отмучилась Прокофьевна, – сказал лысоватый пенсионер рядом с девушкой.

– Да, царство ей небесное, – тихо отозвался его сосед.

– Астма ее совсем задавила, – продолжал первый. – Ей бы в санаторий, да теперь же...

Он замолчал, потому что Полина, пятясь, наткнулась на

него. Девушка обернулась, окинула мутным взглядом свое препятствие и, не извиняясь, бросилась прочь.

– Эй, что с тобой? – удивился пенсионер, но Полина его не слушала.

Она узнала умершую, хотя видела ее, наверное, впервые в своей жизни.

Это была старушка из ее сна – теперь уже бездыханная, с бледно-желтой бескровной кожей лица, с закрытыми глазами и обострившимся носом, – но Полина не перепутала бы ее ни с кем другим.

Это она тщетно пыталась вытащить из колодца полное ведро и просила Полину о помощи. А потом превратилась в монстра.

– Во сне, – пробормотала девушка, взбегая по ступенькам на свой этаж.

Монстр ей приснился. Приснился. И старушка тоже. Та старушка, которая вытаскивала ведро. А эта не превращалась ни в какого монстра.

Полина твердила короткие, рубленые фразы, пытаясь заглушить другой поток мыслей. Однако это было еще труднее, чем перекричать взлетающий самолет.

Связана ли смерть старушки с тем, что произошло во сне? Ведь там она, в сущности, тоже умерла, а вместо нее появился монстр. Бред... но сон был слишком не похож на нормальные сны.

А что, если бы во сне умерла она, Полина?

Девушка попала ключом в замочную скважину только с третьей или с четвертой попытки. Словно в угаре, отнесла хлеб на кухню (и как только она его не потеряла!), потом закрылась в своей комнате.

Что, если в следующем сне она увидит Димку? Или маму?

"Он будет подбираться все ближе, пока не..."

"Твоих близких... тогда... поздно".

"Беги..."

Полина открыла ящик стола, достала недавно полученный паспорт. Пересчитала спрятанные под обложкой деньги. Двадцать гривенъ – все ее богатство, заработанное на прополке свеклы в самом начале лета.

Она не может просто так убежать из дома. Мама сойдет с ума. А если Полина расскажет, в чем дело, то сумасшедшей сочтут ее. И что-нибудь придумать здесь невозможно.

Да и поможет ли побег?

"Беги..."

Куда?

Иногда, после особенно крупных ссор с мамой, она мысленно, а порой и вслух, грозила уйти. Насовсем, куда угодно. Она даже вполне серьезно обдумывала, какие вещи возьмет с собой; даже записывала в дневнике фразы вроде: "Это в последний раз, когда я терплю такое отношение..."

Но теперь, стоя перед необходимостью сделать задуманное, Полина вдруг осознала, что не может. Бросить маму, удалиться в неизвестность...

– Это безумие, – прошептала Полина.

Только ведь невидимый автор предупреждений, похоже, не шутил. Ей грозит какая-то опасность. И не одной лишь ей, а и людям, которые ее окружают.

Но что толку в побеге? – спросила она себя. Присниться может что угодно, снам расстояние – не помеха. Или все-таки...

– Нет-нет, это безумие, – повторила Полина, доставая из шкафа джинсы и вкладывая в их карман паспорт. – Я никуда не пойду.

Она положила джинсы на спинку стула. Затем выудила клетчатую рубашку с коротким рукавом, развесила ее поверх. Взглянула на получившуюся композицию и добавила:

– Во всяком случае, не сегодня.

Ночь выдалась долгой. Полина обнаружила, что не может уснуть. Она лежала в постели, прислушиваясь к малейшим шорохам, и ожидала... чего угодно.

Громко тикали часы. Пожалуй, этот звук был единственным, если не считать редких вздохов спящей мамы, – но девушка продолжала напряженно слушать. Если там, в темноте, что-то начнет происходить...

"И что я тогда смогу сделать?" – спрашивала она себя, однако бросить "вахту" не решалась.

Впрочем, по большей части ее пугала сама возможность заснуть. Кошмар поджидал где-то там, за гранью бодрствования, и Полина это чувствовала. Оставалось лишь бороться по мере своих сил. То есть, не смыкать глаз.

Отчим снова ночевал не дома. Полину его отсутствие мало трогало, а вот мама казалась вечером еще более расстроенной. Ну зачем ей этот скользкий тип?

Девушка знала, что иногда перегибает палку и оценивает отчима через призму собственной ненависти к нему, однако видеть дома почти каждый день пьяную морду, на которой не остается ничего человеческого, ей попросту надоело. И ради чего?

Конечно, сейчас она, пожалуй, сама чувствовала бы себя увереннее, будь он дома, но уж как-нибудь обойдется.

– Обойдусь, – очень тихо, но с нажимом прошептала Полина.

Неожиданно для себя она обнаружила, что ее неприязнь к отчиму способна перевесить даже страх перед кошмаром. Мысль была новой. До сих пор девушка не находила той опоры, которая позволила бы ей устоять против обрушившихся на нее страхов. Может, неприязнь – ненависть – и была тем надежным фундаментом?

На миг Полина ощутила радость озарения, однако почти сразу же все схлынуло.

– Я засыпаю, – удивленно сказала девушка.

Было далеко за полночь, и, наверное, усталость все-таки начала брать свое. Невозможно до бесконечности пережевывать одни и те же мысли, испытывая одни и те же эмоции. В какой-то момент даже страх начинает убаюкивать.

Замеченный, сон отпрянул. Однако уже через несколько минут дремота накатила вновь.

Не прошло и получаса, как девушка спала.

Когда она открыла глаза, стрелки часов перевалили за двенадцать. На улице снова было солнечно и тихо, а в комнате – душно.

Вопреки ожиданиям, Полина чувствовала себя отдохнувшей. Сны она видела лишь самые обычные, и большинство из них успело к пробуждению забыться.

Но приготовленная вчера одежда по-прежнему висела на

спинке стула. И это означало, что Полине предстоял выбор. Девушка села на кровати.

А может, все уже позади? "Если бы!" – хмыкнула Полина. В субботу, или в воскресенье она еще смогла бы в это поверить – да, пожалуй, и в понедельник. Однако вчера ее восприятие неуловимо изменилось. Теперь на самом дне сознания покоилась твердая уверенность: несмотря ни на какое затишье, буря грядет.

Умываясь, она поймала себя на том, что с тоской рассматривает зубную щетку. Этот маленький, привычный предмет словно приобрел для нее какое-то особое значение. Мысль о том, что все – *все!* – придется оставить, снова ударила своей дикостью. Вопреки собственным представлениям, Полина вдруг обнаружила: она любит этот дом. Любит всем сердцем и до каждой последней мелочи.

Неужели другого выхода нет?

Только сейчас девушка задумалась о том, на какое время ей придется уйти. На несколько недель? Месяцев? На годы? Навсегда?

Как долго это может продолжаться? Что если злонамеренный дух никогда не прекратит ее преследовать? Никогда... или пока не добьется своего.

Посмотрев в зеркало, Полина заметила, что плачет. Она еще раз умылась и с ожесточением вытерла лицо.

Не время раскисать подобно снеговикау при первой оттепели! Если сейчас она начнет себя жалеть, то потом у нее

вряд ли останутся силы для задуманного. Если решила – делай!

Девушка вернулась в комнату. Несмотря на жару, одела приготовленные джинсы и рубашку. Присела на край кровати, задумалась.

В тишине квартиры дверной звонок прозвучал особенно громко.

Полина вздрогнула. Она никого не ждала. Конечно, время от времени мама приходила с работы пораньше... кстати, сегодня никакого праздника нет?..

Или, может, это Димка? Мама-то чаще всего открывает своим ключом.

По дороге к двери она пыталась унять тревожно бьющееся сердце. Главное, чтобы никаких плохих новостей...

Выглянув в глазок, Полина наткнулась на пристальный взгляд отчима.

– Открывай, это я, – буркнул он.

– Что тебе надо? – подозрительно спросила девушка.

Отчим раздраженно махнул рукой:

– Живу я здесь, вроде как...

Полина обнаружила, что знакомое лицо ее отнюдь не успокоило. Сердце колотилось, как угорелое, а внизу живота снова шевелился неприятный комок. Пальцы девушки, потянувшиеся к замку, дрожали.

С отчимом было что-то не то. Во-первых, трезв. Да, алкоголики тоже бывают трезвыми, тем более если до вечера

еще остается время, но Полина уже усвоила: "дядя Миша" не ночевал дома в тех случаях, когда напивался до совсем нетранспортабельного состояния. А сейчас на нем не угадывалось ни малейших следов похмелья.

Во-вторых, этот взгляд...

Одной из вещей, которая не нравилась Полине в отчине с самого начала, были постоянно бегающие глаза. По представлениям девушки, они выдавали в нем человека мелочного... или мошенника. Возможно, из-за этой его привычки Полина и подозревала "дядю Мишу" в каком-то обмане – она сама теперь не смогла бы сказать точно. Во всяком случае, взгляд отчима останавливался тогда же, когда развязывался язык, – после очередной порции самогона.

И потому сейчас девушка не спешила открывать.

Отчим переступил с ноги на ногу, покосился на лестничный пролет. Недовольно пробурчал:

– Ну, ты скоро там?

Затем он снова посмотрел на Полину – причем так, словно мог ее видеть:

– Открывай уже!

– Уходи! – сказала девушка.

Она не могла отделаться от чувства, что за личиной "дяди Миши" скрывается кто-то другой, и что он пришел именно за ней. С другой стороны, Полина осознавала: это не сон, где старушка может превратиться в монстра. В реальности таких вещей не бывает.

– Что случилось? – требовательно спросил отчим.

– Уходи! – повторила Полина. – И лучше никогда не возвращайся.

– Что это за новости! – возмутился "дядя Миша". – Открывай, говорю! Я пришел домой! Что за ерунда! Приходишь пьяным – не пускают, приходишь трезвым – тоже не пускают!

На миг девушка представила себе: она обманулась игрой собственного воображения, а отчим – настоящий, – ни о чем не подозревая, стоит на лестничной площадке перед закрытой дверью. И нет никаких духов с монстрами.

Впрочем, это мало что меняло.

– Может, все потому, что тебя здесь никто не ждет? – сказала Полина.

Отчим нахмурился.

– Открывай! – произнес он с нажимом. – Ты же не хочешь, чтобы я выбил дверь?

В его словах была реальная угроза, и девушка это почувствовала. Да, он когда-то уже выбивал дверь. Во второй раз будет проще.

– Уходи, иначе я вызову милицию! – заявила Полина, отступая на шаг и оглядываясь.

Бежать было некуда. Отчим заблокировал единственный выход из квартиры. Если он выбьет дверь, девушка окажется с ним лицом к лицу.

Она этого почему-то боялась. Панически.

Тем временем из-за двери донесся смешок:

– Ты действительно веришь, что кто-нибудь придет? У них бензина хватает только до магазина за пивом и в рыбколхоз за рыбой. Так что открывай по-хорошему.

С одной стороны, он разговаривал так же, как и всегдашний "дядя Миша" – те же интонации, голос. С другой, отчим никогда так не разговаривал.

Полина не могла уловить разницу, но с каждым новым словом чувствовала ее все отчетливее. И это заставляло девушку медленно отступать от двери – словно от греющейся на солнышке гадюки, неожиданно обнаруженной посреди мирной лесной полянки.

Устав ждать, отчим поколотил в дверь кулаком:

– Ну открывай же, кому говорю! Все равно войду!

Девушка глянула на окно. Если бы они жили на первом, или хотя бы на втором этаже, она бы спрыгнула. Нет, со второго, пожалуй, вряд ли. А на первом сейчас у всех решетки стоят. И захочешь – не выберешься.

Почти беззвучно отворив балконную дверь, Полина подошла к перилам и выглянула вниз.

Высоко.

Со стороны входа донеслось более настойчивое гроыхание. Отчим еще не ломал замок, но уже явно готовился.

Ступор внезапно покинул девушку. Она бросилась к шкафу, вытащила три лежавшие там простыни и быстро связала их. Затем привязала один конец к перилам, а другой сбросила.

сила вниз.

Получившейся "веревки" хватало только до балкона на этаж ниже.

Не раздумывая ни секунды, девушка перемахнула через перила и вцепилась в простыни. Немного съехала вниз. Наткнулась руками на первый узел.

И замерла, приходя в себя.

Ее лихорадочные действия едва ли можно было бы назвать глупыми, однако сама Полина не думала о том, что делает. Более того, сейчас она не помнила, как оказалась здесь – на самодельной веревке в полуметре от перил. Она лишь осознала, что судорожно цепляется в натянувшуюся простыню, а где-то далеко внизу сереет полоска асфальта.

Узел под ее ладонями напряженно скрипел, затягиваясь все сильнее. А сама девушка была не в силах пошевелиться. Она, в общем-то, вроде и не боялась высоты, но...

Мышцы начали болеть от напряжения. Полина попыталась ухватиться за что-нибудь более прочное (например, за железный прут, который поддерживал перила), но обнаружила, что собственное тело вновь отказывается повиноваться. Она не могла высвободить руку из мертвой хватки: рука вела себя так, словно принадлежала вовсе не Полине, сжимая узел с каждой секундой все крепче.

Из-под козырька под балконом выпорхнула серенькая птичка и, чирикнув, улетела прочь.

Боль в руках постепенно становилась невыносимой. Де-

вушка понимала, что не сможет висеть долго. Когда мышцы не выдержат нагрузки, она просто сорвется – и с такой высоты у нее нет ни малейшего шанса уцелеть. Действия, совершенные в горячке страха, уже казались ей сумасбродными.

Почему она вообразила, что отчима нужно бояться?

Родной балкон был близок: следовало лишь немного подтянуться и перевалить через перила. Полина попыталась так и сделать, но лишь неловко дернулась. Она никогда не считала себя достаточно сильной для подтягиваний, а теперь, когда руки устали...

Мощный удар сотряс, казалось, весь дом. Отчим приступил к выполнению обещанного.

Полина представила, как он входит в квартиру, ищет ее во всех комнатах, потом заглядывает на балкон...

Ей удалось разомкнуть пальцы правой руки. Ухватившись за ткань пониже узла, Полина осторожно высвободила левую руку.

Простыни угрожающе заскрипели. Девушка мельком подумала, выдержат ли завязанные в спешке узлы, но заставить себя спускаться быстрее не смогла. Это было чудо, что она вообще спускалась!

Потом ей в голову пришел яркий образ: над перилами появляется голова ее отчима, желтые глаза хищно блестят, и рука с ножом быстро перерезает полотно простыни...

В какой-то момент Полина обнаружила, что вполне освоилась со спуском. Руки устали и, казалось, вот-вот не выдер-

жат, однако сам страх почти прошел.

Затем девушка увидела перед собой соседский балкон. Застекленный, но створки открыты: еще бы, такая жара!

Полина висела на расстоянии вытянутой руки от проема. Оттолкнувшись ногами, она могла бы на обратном движении влететь прямо в проем – как это всегда показывалось в фильмах. Но девушка всерьез опасалась, что простыни оборвутся, и потому двигалась как можно более плавно.

С пятой или шестой попытки ей удалось схватиться рукой за раму. Подтянувшись, Полина поставила на перила ногу.

Где-то наверху раздался треск, и простыня подалась. Ощувив, что вываливается наружу, Полина вскрикнула и изо всех сил вцепилась в раму.

Сердце колотилось, как бешеное, и до девушки не сразу дошло: она все еще держится. Простыня не оборвалась, а лишь почему-то стала немного длиннее.

Положение, в котором Полина теперь висела, было очень неудобным, и девушка сама не знала, как ей удалось вновь подтянуться к проему. Даже перевалившись через перила и упав на застеленный линолеумом пол, она еще некоторое время не верила, что опасность сорваться уже позади. Лишь боль в ушибленной левой ноге вернула девушку к реальности.

Бежать!

Встав, она толкнула балконную дверь. Та оказалась не заперта. Полина вошла в чужую квартиру.

Она знала этих своих соседей в лицо, но не более того, и сейчас гадала, как почти незнакомые люди могут воспринять ее появление. Никакого разумного объяснения своим действиям Полина найти не могла, а объяснять что-то там про духов – верная дорога в желтый дом. Поэтому девушка решила вообще ничего не объяснять. Просто извиниться и уйти. Если захотят – пусть разбираются, ее-то здесь все равно уже не будет.

– Простите! – сказала Полина вслух.

Тишина.

Очень тихо пройдя комнату, девушка выглянула в коридор:

– Простите!

Никого. Похоже, все на работе.

Вот и хорошо!

Почувствовав облегчение оттого, что не нужно объясняться, девушка направилась к входной двери.

Над головой послышались шаги. Очевидно, отчим уже успел ворваться в квартиру и теперь разыскивал ее.

В том, что ему нужна она, Полина почему-то не сомневалась.

Предварительно выглянув в глазок, девушка тихо выскользнула на лестничную площадку и прикрыла за собой дверь. Щелчок замка показался ей громким, и она некоторое время настороженно прислушивалась. Затем, сдерживая дыхание и стараясь не шлепать босыми ногами, побежала вниз.

У подъезда она не задержалась ни на мгновение: отчим вот-вот мог обнаружить путь ее отступления и направиться следом. Нужно бежать...

Она и бежала, постоянно оглядываясь на окна родной квартиры. Лишь когда те исчезли из виду, надежно закрытые зеленью деревьев, девушка вновь ощутила себя в состоянии думать не только о погоне.

Но и о том, хотя бы, куда она бежит.

Впрочем, это Полина знала. Она направлялась к Димке.

Открыв ей дверь, парень начал было: "Привет!.." – однако выражение лица Полины говорило о чем-то громче любых слов. Глаза Димки расширились.

– Что произошло? – спросил он встревоженно.

– Я не могу... оставаться, – произнесла Полина, чувствуя себя разбитой. – Там – "дядя Миша". Он меня ищет.

– Ну и что? Что? Зачем? – Димка впустил ее в квартиру и закрыл дверь. – Зачем ты ему нужна?

Полина прислонилась к стене.

– Он какой-то не такой, понимаешь? И он меня ищет. Понимаешь?

Парень кивнул, не замечая, что очки съехали на бок.

– Снова это?

Полина вздохнула:

– Я боюсь.

Она остановилась, затем через силу продолжила:

– И я решила... уехать.

– Как? Куда? – Димка казался полностью ошарашенным.

– Не знаю, – тихо ответила девушка. – Куда-нибудь. Он уже рядом, понимаешь? Он может в кого угодно вселиться, наверное. И мне страшно.

– Но...

Возражение парня оборвал громкий стук в дверь. Полина ощутила холод во всем теле.

– Не открывай! – выпалила она.

Однако Димка уже выглянул в глазок и теперь тянулся к замку.

– Это твоя мама, – сообщил он.

Девушка не верила своим глазам и ушам. Но дверь уже открывалась, а на пороге стояла... действительно ее мама.

– Полина, что случилось? – требовательно спросила она. – Мне позвонил дядя Миша, сказал, что ты не захотела его впускать, а потом по простыням спустилась к соседям и убежала. С тобой все хорошо? Что за глупые идеи, ты ведь могла убиться!

Комок в горле мешал ей говорить, но Полина все-таки умудрилась выдать из себя, обращаясь к Димке:

– Как... моя мама могла узнать... что я у тебя?

Парень побледнел и изо всей силы налег на дверь, собираясь захлопнуть ее поистине молниеносно. Однако реакция "мамы" оказалась еще более потрясающей: та поймала дверь рукой и снова открыла ее, попутно отодвинув Димку.

– Что за игры! – сказала она возмущенно, не спуская глаз с Полины.

Девушка тем временем начала отступать в комнату. Ей могло показаться, но голос "мамы" на последней фразе прозвучал ниже, чем до этого. Совсем, как у той старушки во сне...

Только теперь уже убежать некуда.

– Пойдем домой, – сказала "мама", протягивая руку. – Тебе нужно отдохнуть.

В ее глазах заиграли золотистые искорки.

Полина ощущала, как страх внутри нее борется со слезами. Произошло то, чего она боялась: проклятый дух вселился в единственного родного человека, оставшегося на всей земле. Она видела перед собой маму, но ощущала нечто чуждое. Это чуждое сожрало ее маму изнутри, приняв ее форму, а теперь пришло за ней, Полиной.

И есть ли смысл куда-нибудь бежать теперь?

– Пойдем, – сказала "мама" почти ласково, подходя к забившейся в угол Полине вплотную.

Затем был оглушительный треск, падающая на бок "мама" и Димка, стоящий в проходе с разломанным табуретом в руках.

– Беги! – бросил он девушке, не сводя глаз с "мамы". Удивительно, но, несмотря на силу удара, та лишь потеряла ориентацию. – Быстро! Быстро!!

Подчиняясь громкому крику, Полина перепрыгнула тело

и метнулась к двери. Последнее, что она заметила: Димка обрушивает остатки табурета на голову существа. Да, оно уже начало меняться, и оскаленный рот мало походил на человеческий.

– Она не отражалась в зеркале, – крикнул Димка вслед.

Полина немного пришла в себя лишь через несколько кварталов от Димкиного дома.

Наверное, она должна была бы ужаснуться, что оставила парня наедине с этим... монстром. Однако на самом деле девушка испытывала столь противоречивые чувства, что в них тонули любые рассуждения.

Прежде всего, она не могла остановиться. Бежала, переходила на шаг, а потом, немного отдышавшись, снова начинала бежать. По-прежнему босиком: она так и не надела никакой обуви. При спуске с балкона Полина об этом не думала, а потом уже было поздно. Некоторые прохожие оглядывались, но девушка даже не замечала их взглядов.

Бежать! Бежать! Подальше отсюда!

Сейчас она почему-то была убеждена, что это проклятое существо чувствует ее. Возможно, как собаки чувствуют след. Или как-то по-другому. Но чем дальше Полина уберется, тем труднее будет ее найти.

Любому нюху есть пределы.

Выбравшись на основную улицу, девушка побежала к остановке. И как раз успела вскочить на ступеньки отъезжающего автобуса.

– Оплачиваем проезд! – пробасил водитель, с сомнением посмотрев на растрепанную девушку в зеркало.

Старый "Икарус" пшикнул дверями и поехал. Полина на негнущихся ногах подошла к одному из кресел. Обивка была испорчена, а поролон – вытасчен. Кто-то когда-то здесь искал клад – не иначе как обсмотревшись "Двенадцати стульев". Но девушку это не трогало. Она тяжело опустилась на сиденье.

Неужели это действительно произошло? Монстр из сна перенесся в реальность. Или тот сон и был реальностью? Слишком ярким Полина запомнила его, пусть даже потом она и проснулась.

Но он вселился в отчима, а затем в ее маму. Это невозможно! Зачем?

Девушка не замечала, что слезы катятся по ее щекам. Водитель, однако, еще раз посмотрел в зеркало и больше не стал настаивать на плате за проезд.

Автобус миновал оживленный городской рынок, на несколько секунд задержался возле следующей остановки, поехал дальше. С внутренним трепетом Полина посмотрела на вошедших пассажиров. Никого знакомого. Никто ею вроде бы особо не интересуется.

Значит, эта тварь отстала. Пока. Димка сумел удержать ее достаточно долго.

Полина не могла представить, что ее мама и друг мертвы. С другой стороны, именно в этом она была твердо убежде-

на: тварь не оставила бы им ни малейшего шанса. Это был убийца – убийца из невидимого мира. И ему зачем-то понадобилась она, Полина.

Девушка посмотрела в окно, на проезжающий мимо город. При всем своем желании она сейчас не смогла бы повернуть назад. Ей хотелось еще раз взглянуть собственными глазами на происшедшее, убедиться...

Но даже сейчас, в этот самый момент, тварь вынюхивает ее след. Возможно, уже вселившись в кого-нибудь другого...

Почему же автобус не может ехать быстрее!

Она еще не раз будет раскаиваться в том, что трусливо оставила Димку один на один с тварью. Вдвоем у них было бы больше шансов... наверное. И, к тому же, Димка во всей этой истории был абсолютно ни при чем. Тварь охотилась за ней.

Поздно. Все свершилось. Прокрутить время назад и переиграть события по-новой, увы, невозможно.

Полина вышла возле автовокзала, проехав большую часть города.

– На Киев сегодня ничего не будет, – сообщили ей в кассе. – Автобус отправляется в половине седьмого утра. Только утром. Могу дать на завтра.

– Нет, – пробормотала девушка. – На завтра не нужно.

Кассирша, пожилая женщина, внимательно посмотрела на нее:

– У тебя что-то случилось? Кто-то умер?

Полина неопределенно махнула рукой, собираясь идти прочь. Кассирша поерзала в кресле.

– Ну, я не знаю, – сказала она, озираясь. – Могу только предложить доехать до Градижска, а там, может, какой-нибудь кременчугский будет идти.

– А когда едет до Градижска следующий.

– А вон он, через две минуты отправляется, – кассирша потянулась к окну, указывая на автобус. – Подойди к водителю, он тебя возьмет.

– Спасибо, – кивнула Полина.

– Не за что. Удачи тебе!

Выйдя из здания вокзала, девушка сразу же направилась к указанному автобусу.

– Возьмете до Градижска? – спросила она.

Водитель уже сидел за рулем и, судя по всему, как раз собирался запускать двигатель. Взглянув на Полину, он кивком показал в сторону салона:

– Садись. Сейчас едем.

– А сколько стоит?

– Гривня.

Выудив из-под обложки паспорта одну гривну, Полина отдала ее водителю, а сама устроилась на свободном сидении, в задней части автобуса. Некоторые пассажиры – в большинстве своем пожилые – проводили ее взглядами. Девушка это заметила, и, не желая участливых вопросов, постаралась напустить на себя безразличный вид. Усевшись же у окна, она

тайком осмотрела присутствующих: нет ли признаков вселившейся твари? Сейчас ей казалось, что проклятого монстра она уже способна определить сразу – стоит лишь хорошенько присмотреться.

Но пассажиры производили впечатление нормальных людей, и Полина немного расслабилась.

Затарактел включившийся двигатель, скрипнула закрывшаяся дверь, и автовокзал за окном поплыл назад.

Полина обнаружила, что с замиранием сердца ожидает обычного в общем-то явления. Кто-то, немного опоздавший, бежит изо всех сил, махая водителю руками. Автобус останавливается, выпускает человека...

И что тогда? Что, если именно этот человек окажется направшей на след тварью, в последний момент настигнувшей девушку?

Она снова перевела дух, когда автобус миновал шлюз и выехал на плотину. Слава Богу, в этот раз никого подбирать не пришлось! Неужели все-таки оторвалась?

Девушка не могла испытывать от этой мысли радость, но вот некоторое облегчение – вполне.

Слева раскинулась голубая гладь моря, а немного позади уплывал вдаль родной город. Отсюда он казался особенно маленьким, с домами, почти утонувшими в летней зелени деревьев. Полина нашла глазами телевизионную антенну, пробежала взглядом по массиву городского парка, нашла девятиэтажки заводских общежитий. Вон в той пятиэтажке

слева – стоматологическая поликлиника, а справа...

Найдя свой дом, девушка долго смотрела на него. Казалось, в этот момент она ни о чем не думала, однако глаза снова начало щипать. Она шмыгнула носом и, покосившись на соседей, отвернулась.

Автобус катился по дамбе достаточно бойко: водитель, вероятно, уже знал дорогу до мелочей и лихо объезжал коварные выбоины. Однажды они обогнали какой-то заезжий "мерседес" – но тот сразу же прибавил газу и, отчаянно грохоча на ухабах, вырвался вперед. Водитель автобуса только самодовольно ухмыльнулся.

Затем дорога как-то враз стала ровнее, а еще минут через пять дамба закончилась. Они прибыли на левый берег.

Здесь проходила граница областей, и глядя на дорожные щиты, Полина осознала: пути назад нет. Она все-таки бежит, вот только этот выбор за нее сделали обстоятельства. Пожалуй, от квартиры Димки и до нынешнего момента она действовала автоматически, не задумываясь о следующем шаге и желая лишь убраться подальше от проклятой твари. Направление на Киев девушка выбрала лишь потому, что когда-то давно, обдумывая "планы" побега, решила в пользу столицы. Это было единственное место, где она могла найти хоть какую-нибудь работу и таким образом обеспечить себя.

А тогда, на автовокзале, ей даже в голову не пришло, что можно бежать куда-то еще.

Градижск оказался простым селом. Вдоль дороги тянулись частные домики с дворами, где спели яблоки и опали абрикосы. На Полину выцветшие покосившиеся заборы навеяли странную тоску.

На одном из перекрестков автобус свернул вправо и почти сразу же остановился.

– Градижск! – объявил водитель, доставая какие-то бумаги.

Полина выбралась наружу.

Местная автостанция представляла собой небольшое кирпичное здание и асфальтированную площадку для автобусов перед ним. На площадке топталась женщина, демонстрируя приехавшим две связки копченой рыбы. Чуть поодаль, за дорогой, кипел жизнью рынок. Где, как видела девушка даже издали, тоже продавалась по большей части копченая рыба. В воздухе витал характерный запах, подтверждающий виденное.

Их автобус был на площадке единственным.

– Простите! – Полина перехватила водителя, с бумагами направлявшегося к зданию автостанции. – Вы не знаете, когда будет следующий автобус на Киев?

– Ой, нет, – сказал тот, даже не замедлив шага. – Это ты лучше в кассе спроси. Кто их знает, когда они сюда приезжают...

В кассе девушке объяснили, что на Киев сегодня, может быть, что-то будет, но вот остановится ли это "что-то" здесь

– неизвестно.

– Это как? – удивилась девушка.

– А вот так! – раздраженно ответила кассирша. – Они не заезжают на автостанцию. Если надо – выходи на дорогу и голосуй. Будут места – возьмут.

Понимая, что здесь ей больше ничего не добиться, Полина вышла из здания и побрела к перекрестку. Затем посмотрела в сторону, откуда они приехали.

Пути назад нет. Что бы ни случилось с Димкой, теперь это уже не изменить. И если тварь преследует ее по пятам, то нужно торопиться. Ждать несколько часов следующего автобуса она не могла.

Еще неизвестно, окажутся ли там свободные места.

Полина прошагала по обочине основной дороги совсем немного, когда наткнулась на бабульку. Та стояла с завязанным мешком у ног и махала попутным машинам – очевидно, просила подвезти. Вид у бабульки был весьма доброжелательным, но когда очередная машина проезжала мимо, ей вслед неизменно несло что-то витиеватое, с забавными сельскими интонациями.

Впрочем, сама девушка сейчас не находила в ситуации ничего забавного.

Временно оторвавшись от своего занятия, бабулька окинула взглядом Полину. И закричала:

– Чого ж ти без обувки! Воно ж така пилюка, потім не домиєшся! Та й каміння. Оно подивись, скло. Поріжешся, та

ще якусь інфекцію занесеш!

Она остановилась, чтобы махнуть очередной машине и выдать очередную порцию витиеватых выражений.

– Вы куда едете? – спросила Полина, не обращая внимания на монологи бабульки.

Та зачем-то нагнулась и погладила мешок.

– У Кагамлик. Воно п'ять хвилин їхать, та ніхто не зупиняє. А ти що, теж кудись їдеш?

– В Киев, – коротко ответила девушка.

– Аж до Києва? – удивилась бабулька. – А чого ж боса? Чи в тебе обувки нема?

Полина лишь отрицательно покачала головой.

Бабулька повторила ее движение:

– Що на білому світі коїться! Чи воно всім таке буде...

– А этот Кагамлык, это где? – спросила девушка.

– Та тут, поряд, – бабулька махнула рукой вслед еще одной не остановившейся машине, добавив (явно в адрес водителя): – Бісова душа!

– Это в сторону Києва?

– А як же, звісно! – підтвердила бабулька.

Полина задумчиво посмотрела на проезжающие автомобили:

– Тогда можно, я с вами подъеду?

Бабулька хмыкнула:

– А чого ж неможна! На здоров'я. Та ти ж бачиш, ніхто не спиняє.

Пристроившись рядом, Полина некоторое время лишь наблюдала за бесплодными попытками. Бабулька между делом пыталась расспросить девушку, кто она такая и откуда взялась, но Полина не чувствовала себя в состоянии отвечать на подобные вопросы. Она хранила молчание – даже несмотря на то, что всегда считала это невежливым.

Вот ведь какая глупость: она всегда боялась прослыть невежей!

Как будто это имело какое-то значение...

Спустя две или три минуты Полина не выдержала:

– Давайте я попробую!

– Спробуй! – согласилась бабулька.

Встав у самого края проезжей части, девушка начала всматриваться в приближающиеся автомобили.

Они ехали оттуда. С той же стороны, где остался ее преследователь. Если он разнюхал ее след, он может оказаться в любой из этих машин.

Полина подняла руку и увидела, что та дрожит.

Но что еще можно сделать? Чем скорее она отсюда убежит, тем больше у нее шансов.

Девушка неуверенно махнула. Старенький светло-бежевый автомобиль, вроде бы "Жигули", проехал мимо. Водитель даже не взглянул на них.

– Ти нахальніше! – прокомментировала бабулька, устроившаяся на своем мешке. – Так же ніхто не спинить. І в очі дивись, в очі.

После этих слов Полина заметила, что действительно смотрит не на водителя, а на фары проезжающих машин. Она попыталась исправиться.

Следующим был небольшой двухместный автомобиль с будкой. Оба места были заняты. Водитель только развел руками.

Некоторое время на дороге царил тишина: никто не ехал. С противоположной стороны, где был рынок, доносился шум голосов. Где-то во дворе запел петух. Стало слышно, как чирикает птичка.

Затем девушка заметила направляющийся в их сторону грузовик. Места в кабине хватило бы на двоих, поэтому она снова подняла руку.

Машина – с открытым кузовом, в котором сейчас ничего не было, – подрулила к ним и остановилась.

– В Кагамлык? – спросил усатый водитель, ухмыляясь.

– О, – отозвалась бабулька, – та це ж Василь!

– А я смотрю: Ильинична или нет... Садитесь уже!

Бабульке не нужно было повторять дважды: через миг она уже сидела в кабине, поглаживая брошенный под ноги мешок. Полина устроилась рядом, возле двери. Оказалось немного тесно, но она не жаловалась.

– Оце ж мені така вдача! – радостно кряхтела бабулька. – А то стою – і хоч хто спинив би!

– А ты что, на базар? – поинтересовался Василь, толкая рычаг переключения передач и выглядывая в зеркало.

Машина тронулась.

– Та ні! – бабулька махнула рукою, словно ходить на базар было чем-то зазорним. – У мене ж тут сестра. Двоюрідна. Вони коз держать, а це козенят різали. Та й мені перепало, – она снова погладила мешок. – Буде старому мясце на обід.

– И то дело, – согласился водитель. – В наши времена всем вместе держаться надо. А кто это с тобой? – он посмотрел на Полину. – Племянница?

– Та ні, яка ж племінниця! – снова возразила бабулька. – Дівчина. Аж у Київ їде. Що там в тому Києві, що всі туди їдуть?..

– А... – протянул Василь и, выглянув из-за бабульки, обратился к Полине: – Извини, я только до Кагамлыка. Дальше не могу. Машина-то не моя.

– Ничего, – сказала девушка, немного удивленная тем, что водитель стал перед ней извиняться. – Спасибо. Дальше я как-нибудь сама.

Потом односельчане снова переключились на ничего не значащую болтовню, которую Полина по большей части пропускала мимо ушей. Она смотрела в окно, на проплывающие мимо поля с подсолнухами и кукурузой, и пыталась ни о чем не думать.

В Кагамлыке Василь высадил бабульку напротив ее двора, потом довез Полину до околицы.

– Вот и все, – сказал он, – оставляю тебя здесь. Будь осто-

рожна, сейчас всякие ездят. Лучше просись в автобусы.

– Спасибо, – поблагодарила девушка.

Василь пожал плечами:

– Да не за что. Удачи!

Развернувшись, он поехал назад, в село. А Полина осталась на обочине дороги, в двадцати шагах от таблички "Кагамлык".

Теперь она уже знала, что нужно делать. Останавливать попутные машины и просить подвезти. Не обязательно до самого Киева. Главное – в том направлении.

На этот раз ей удалось привлечь к себе внимание с пятой попытки. Зеленый ухоженный "Москвич" замер прямо напротив нее. Водитель – полный достоинства пенсионер – открыл ей дверцу.

– Куда ехать? – поинтересовался он кратко.

– Мне до Киева... – начала Полина, однако пенсионер тут же перебил ее:

– О-хо-хо! До Киева... – было непонятно, кашляет он или смеется. – Могу довезти до Бугаевки.

– А это по дороге? – на всякий случай уточнила девушка.

– Ну конечно по дороге, – пенсионер, казалось, был искренне удивлен ее незнанием в том, где находится Бугаевка. – Если едешь, то садись.

– Спасибо! – девушка поспешно уселась рядом с ним и захлопнула дверцу.

Водитель поморщился:

– Не хлопай, это же тебе не трактор!

– Ой, извините...

– Ничего. Пристегни ремень.

Он вел машину очень осторожно и совершенно не разговаривал. Полину это вполне устраивало: было бы хуже, если бы пенсионер стал задавать ей всякие вопросы. Девушка не хотела врать и не могла говорить правду, а просто молчать все-таки гораздо удобнее, когда тебя никто не тербит.

Равномерный шум двигателя, плавное покачивание – все это убаюкивало, и через некоторое время Полина поймала себя на том, что уже некоторое время дремлет. Она поморгала.

– Приехали, – сообщил пенсионер, показывая взглядом на ближайший дом. – Бугаевка.

Он не спрашивал, где Полина хочет выйти, а просто остановил возле очередного перекрестка.

– Благодарю вас! – девушка отстегнула ремень безопасности и выбралась из машины.

– Не за что, – ответил пенсионер.

Она закрыла дверь – на этот раз с особенной осторожностью, – и зеленый "Москвич" отправился по своим делам.

Глядя ему вслед, Полина запоздало подумала, что могла бы предложить деньги. Но потом ей пришло в голову: а как же она сможет протянуть хотя бы первое время, когда доберется в Киев? Оставшихся девятнадцати гривен и так не на многое хватит.

Ей вот нужно хотя бы какие-то шлепки купить – даже просто для того, чтобы поменьше внимания привлекать. А ведь она могла в Градижске зайти на рынок! Не догадалась.

Интересно, здесь есть рынок?

Несмотря на эти свои мысли, она уже пыталась остановить следующую попутку.

Теперь ей повезло с третьего раза. Молодая семья: папа за рулем, мама рядом, а маленький ребенок – на заднем сидении. Они ехали до Липового.

– Только у меня денег... нет, – предупредила Полина.

Папа нетерпеливо кивнул: садись, мол, какие там деньги! Мама же взяла ребенка к себе, предложив девушке все заднее сидение.

Машина шла быстро. Заглянув на спидометр, Полина заметила, что стрелка покачивается в районе цифры "120". Что ж, это хорошо. Может, тварь в конце концов потеряет след.

Тем временем незаметно приближался вечер. На небе появилось несколько облачков, а солнечные лучи стали мягче. Часа через четыре начнет темнеть.

Полина впервые задумалась о том, где она будет ночевать.

В Липовом ее высадили недалеко от магазина. Она искренне пожелала семье всего хорошего. "Спасибо, тебе тоже!" – откликнулись папа с мамой, а ребенок, очень довольный собой, помахал ручкой.

Оставшись одна, девушка осмотрелась.

В десятке шагов от нее располагалось что-то вроде киос-

ка, или небольшого бара. По другую сторону дороги стоял магазин, возле которого старушки продавали всякую всячину – в основном, со своих огородов. Полина видела абрикосы, яблоки, молодую картошку.

Интересно, здесь можно купить какую-нибудь обувь? У девушки уже возникло такое впечатление, будто все только и смотрят на ее босые ноги.

Вот и старушки тоже...

Она отвернулась, и, спиной чувствуя любопытные взгляды, зашагала по обочине дороги. Прочь. Туда, где заканчивается село.

Когда старушки скрылись из виду, она остановилась. Пока возможно, следует убраться подальше. Об обуви она беспокоится как-нибудь потом. В конце концов, сейчас лето.

На этот раз поймать попутку оказалось труднее. Машин стало меньше, да и те проезжали мимо. Кто-то из водителей отрицательно качал головой, кто-то показывал, что собирается поворачивать. Новым иномаркам Полина даже не махала: не хватало духу. Да и что толку! Их водители все равно с каменными лицами смотрели исключительно вперед.

Прошло около часа, прежде чем из-за поворота выехала старенькая, изрядно потрепанная машина. Которая и затормозила в ответ на почти безнадежный взмах руки.

Полина заглянула в открытое окно:

– Мне нужно до Киева.

– Не, до Киева я не еду, – покачал головой водитель –

мужчина в районе сорока с пышными седеющими усами и почти лысой головой. – Но ты все равно садись. Довезу до Иркилева. Все-таки будет ближе...

– Только у меня нет денег, – добавила девушка.

Водитель махнул рукой, выбираясь из машины:

– Эх, сколько там той жизни!

Он открыл дверь со стороны Полины, стряхнул с сидения мусор, достал из багажника покрывало и положил поверх заерзанного чехла. Затем приглашающе кивнул:

– Садись.

Внутри все было грязным и ветхим. Полина, которой сам водитель понравился своей открытостью и каким-то... философским, что ли, складом, немного опешила. Почему же нельзя хоть чуть-чуть прибраться? И подремонтировать машину? Вон, крышка "бардачка" уже давным-давно отвалилась.

Потом девушка решила, что именно у такого человека, наверное, и должен быть беспорядок. Она без труда смогла себе представить, как он говорит: "Зачем ремонтировать – все равно когда-нибудь сломается!" – или что-то в подобном же стиле по поводу уборки.

И, тем не менее, водитель был ей в чем-то симпатичен.

Они продолжили путь.

В противоположность предыдущей, эта машина шла медленно. Стрелка спидометра редко доползала до 60. Водитель словно каждую минуту ожидал, что какая-то деталь отпадет

и останется лежать на дороге, а ему придется за нею возвращаться. Вероятно, такое уже не раз происходило в прошлом.

– А я в Кременчуг ездил, – рассказывал водитель – он представился Андреем. – Всякие детали покупал к технике. Начнется жатва – нужно зерно чем-то возить. А машины – один металлолом.

Полина слушала, размышляя о своем.

Страх никуда не исчез – он затаился на самом дне сознания и время от времени ворочался там, посылая по всему телу волны холода. Девушка почему-то была убеждена, что сумела оторваться от преследователя, однако не могла без замирания сердца думать о предстоящей ночи.

С другой стороны, она как-то быстро смирилась с тем, чему была свидетелем в квартире у Димки. От мысли о том, что мамы нет, становилось горько, но слезы на глазах уже не появлялись.

– Ну а как ты? – поинтересовался наконец водитель.

– Что я? – переспросила Полина, возвращаясь к реальности.

Восприняв ее фразу по-своему, Андрей пожал плечами:

– Да нет, я просто спросил. Можешь не отвечать, если это секрет. Мне вот любопытно, почему девушка одна путешествует автостопом.

– Чем?

– Автостопом, – повторил Андрей. – Это когда ты машины останавливаешь и просишь подвезти. Ты в самом деле этого

слова не знаешь?

Полина отрицательно покачала головой:

– Не слышала.

Водитель ухмыльнулся:

– Да, это меняет дело. А я вот думал, что ты из неформалов. Сам в свое время баловался... Ну что ж, ты меня совсем заинтриговала.

Взглянув на нее, он добавил:

– Ладно, больше ни слова на эту тему. Молчу.

И, вопреки последней фразе, он тут же начал рассказывать о собственных похождениях в "студенческие" времена.

Впрочем, говорил Андрей очень неторопливо и как-то ненавязчиво. У Полины даже сложилось впечатление, будто этим монологом он развлекает сам себя – чтобы скрасить долгую дорогу. То, что девушка слушала, уже было достаточно.

Когда они миновали табличку "Иркиев", солнце отчетливо склонилось в сторону запада. Еще два-три часа будет светло, подумала Полина.

Андрей оставил ее недалеко от автовокзала, пожелав удачно добраться. Машина, фыркая, скрылась в одной из улочек.

На вокзале было пусто, однако Полина все-таки решила сходить туда. И обнаружила, что все закрыто. Кассы прекращали работать то ли в семь, то ли еще раньше.

Пришлось возвращаться к главной дороге.

По закону подлости, именно в этот момент мимо проехал

автобус с надписью "Киев". Девушка заметила его слишком поздно: она находилась в сотне шагов от дороги, и водители не смотрели в ее сторону. Красный "Икарус" только прибавил газу – и был таков.

Охота на попутки продолжилась. Автомобилей стало еще меньше, и никто не желал останавливаться. Либо иномарки, либо здешние, либо нет мест. Девушка начала размышлять о том, где же ей искать ночлег.

После многих бесплодных попыток возле нее затормозила новенькая "Лада". Серебристого цвета, с тонированными стеклами. Полина открыла дверь:

– Мне нужно до Киева.

– Двадцать гривень, – сообщил холеный мужчина, даже не глядя на девушку.

– У меня нет...

Водитель пожал плечами:

– Тогда до свидания!

Он включил передачу, и Полине ничего не оставалось, кроме как отпрыгнуть прочь.

Что ж, придется, видно, заночевать в Ирклиеве.

Проблема заключалась в том, что Полина даже отдаленно не могла себе представить, как искать ночлег. Стучаться в жилые дома с надеждой, что ее впустят? Найти гостиницу и умолять администратора выделить ей кровать на единственную ночь, жалуясь на отсутствие денег?.. Она уже заранее чувствовала подозрительные взгляды и угрозы вызвать ми-

лицию.

Проситься в попутчики казалось проще.

И девушка продолжала голосовать на обочине.

Солнце неотвратимо ползло к горизонту, удлинняя тени. Поднялся, но почти сразу же утих небольшой ветерок. Облака с неба вновь куда-то исчезли, обещая звездную ночь.

Полина начинала чувствовать легкую панику. Время шло, а она застряла в этом селе! Может, лучше было бы искать, где переночевать? Небось, когда станет темно, ее никуда и близко не подпустят?

В этом смятении она не сразу осознала, что остановилась еще одна машина. А осознав, бросилась к ней.

– Мне до Киева, – сказала Полина, – но можно и где-то по пути.

– А чего ж, довезем до Киева, – водитель хлопнул ладонью по сидению рядом: – Поехали!

– Только у меня нет денег, – пробормотала девушка.

– Ничего-ничего! Поехали!

Еще не до конца веря собственному счастью, Полина села в машину.

Водитель был весьма грузным мужчиной, возраст которого девушка затруднилась определить точно. Больше тридцати, но явно меньше сорока. А может, и не меньше, – решила она со второго взгляда.

Голова его по последней моде была обрита наголо, выставляя напоказ жировые складки затылка. Он выговаривал сло-

ва несколько невнятно, что, впрочем, не мешало девушке понимать сказанное. Ну что ж, за отсутствием выбора подойдет и такой водитель. Главное, он наконец-то едет до самого Киева!

Кроме того, мужчина очень мило улыбался, и Полина решила, что несправедливо заостряет внимание на его недостатках.

– Как тебя зовут? – осведомился толстяк, выруливая на дорогу.

– Полина.

– О, красивое имя, – он окинул ее взглядом.

– А вас? – спросила девушка.

– Меня? С-саша.

"Он еще и заикается", – про себя отметила Полина. Она почему-то с самого начала воспринимала толстяка отрицательно, и понимание этого заставляло ее чувствовать стыд. Судить человека по внешности – последнее дело. Между прочим, он единственный, кто решил ее подвезти! И в машине у него чисто. Не так, как у того философа, Андрея.

– Зачем в Киев-то? – поинтересовался толстяк.

Полина неопределенно дернула плечами. Толстяк снова окинул ее взглядом:

– Путешествуешь?

– Э... да, – ответила девушка.

– А там кто-то знакомый, или просто?

– Просто.

Толстяк потер ладонью колено.

– А где твои родители? – спросил он.

Полину уже начала раздражать эта череда вопросов, и она решила промолчать. Но отделаться от толстяка оказалось не так легко.

– Ты что, убежала из дома?

Девушка не выдержала:

– Нет у меня родителей! – выпалила она, чувствуя, как на глаза снова наворачиваются слезы. – Они... погибли. У меня теперь никого нет.

– А... прости, – толстяк теперь смотрел только на дорогу. – Я не хотел. Как-то по-дурацки вышло...

Он замолчал, и дальше они ехали в сопровождении лишь шума двигателя.

Полина снова задремала. Она чувствовала себя невероятно усталой, и глаза слипались сами собой. К тому же, она не знала, о чем разговаривать с толстяком, и боялась, что тот опять начнет задавать какие-нибудь вопросы. Притвориться спящей было проще... ну а сон пришел сам собой.

Ее разбудило прикосновение.

Снаружи было темно, и только на небе сияли звезды. В их свете Полина определила, что машина стоит возле какого-то леса. Никаких признаков жилья, или нормальной дороги.

Толстяк тем временем гладил ее по ноге.

– Ты же хорошая девочка, – шептал он, – ты не будешь

брыкаться...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.